



Любовь Попова

Запомни, ты моя

«Литнет»

2021

Попова Л.

Запомни, ты моя / Л. Попова — «Литнет», 2021

- Избавься от беременности, — требует он, прижимаясь всем корпусом, а у меня дыхание перехватывает. - Что?! Да как у тебя язык повернулся!? - отталкиваю со всей силы. - Я скоро разведусь и мы будем вместе. Ты думаешь я приму чужого ребенка? - Никогда! Никогда больше не приближайся ко мне, — у меня грудь адски болит! Теперь я точно знаю, что не скажу, что малыш от него. - Убирайся! Убирайся! Забудь обо мне, потому что я скорее уничтожу тебя, чем избавлюсь от своего ребенка!♥#История про Вику: Без тебя никак История про Диану:Собственность бывшего История про Камиля: Секс - незнакомец по соседству

© Попова Л., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1. Алена	5
Глава 2. Алена	7
Глава 3. Алена	9
Глава 4. Алена	11
Глава 5.	13
Глава 6. Алена	16
Глава 7. Алена	19
Глава 8. Алена	24
Глава 9. Алена	27
Глава 10. Алена	30
Глава 11. Алена	32
Глава 12. Алена	34
Глава 13. Никита	39
Глава 14. Надя	41
Глава 15. Мелисса	43
Глава 16. Диана	45
Глава 17. Никита	48
Глава 18. Алена	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1. Алена

– Ну, что там? – со страхом смотрю на врача, после того, как слезла с гинекологического кресла. И ее ответа жду, почти как ребенок ждет подарка в новый год. Когда я поняла, что мой жор и отсутствие месячных не от переживаний насчет свадьбы любимого, а потому что я, возможно, беременна, меня счастьем окатило.

– Каналы чистые, инфекций на первый взгляд я не вижу, но анализы скажут точнее. И...

– И... – внимательно смотрю на женщину со стрижкой «под горшок» и густыми бровями. Такими же темными как волосы. Но больше меня волнует не внешность, а то, что она скажет. То, на что я так надеюсь.

– И вы беременны. Срок, примерно, двенадцать недель.

– Сколько? – это ж, получается, в ту самую первую ночь... Ту ночь, когда случайная встреча изменила всю мою жизнь. Никита вытащил меня из жизни, полной опасности и стыда, но тут же с помощью шантажа сделал своей любовницей. Но мне повезло, и теперь я свободна. Вот только эти месяцы после его свадьбы быть волком хочется.

Но теперь я никогда не буду одна. Теперь у меня будет маленький.

– Двенадцать недель. Точно можно будет сказать после УЗИ. Если планируете аборт... – поднимает она тяжелый взгляд, и я смотрю на нее в недоумении. Но потом... Становится неловко, стыдно...

Еще три месяца назад я бы так и поступила. Я бы пошла и сделала аборт, чтобы мой ребенок никогда не прошел через тот ужас, который пережила я за пятнадцать лет скитаний за пределами России, выживания и борьбы за честь.

Меня выкрали из детского дома и перевезли в Европу, где мне пришлось в буквальном смысле выживать. И если бы Никита не забрал меня в Россию, я бы так и продолжала «жить». Я бы сознательно избавилась от маленького комочка внутри себя, чтобы малыш не голодал. Чтобы не знал жестокости мира.

Но теперь я в безопасности.

У меня есть друзья. Есть Вася, что стала почти приемной матерью.

У меня есть уютная квартира, выданная государством как сироте.

У меня даже есть приличная работа...

Так что теперь я знаю, что, несмотря ни на что, мой малыш будет любим.

– Никаких абортов, – заправляю светлые волосы за уши. Руки дрожат. Внутри все горит. Черт... Это ж, получается, у меня маленький человечек будет. Получается, кто-то будет меня по-настоящему любить. Несмотря ни на что. Просто любить, такой, какая есть.

И получается, я смогу любить его открыто, со всей силой, что есть в моем сердце. Не тайно, как его отца, а открыто выражая свои чувства и эмоции.

Буду значит... Мамой.

– Хорошо, – продолжает говорить гинеколог. Уже и имя из головы вылетело, потому что мысли крутятся вокруг того, что бы сказал Никита, узнай, что станет папой. – Тогда вот набор анализов для вас. Вот для отца...

– Отца нет, – Никита не узнает. Не нужно ему это. У него политика, карьера, жена. А то, что было между нами, ничего незначащий эпизод. Для него. А для меня целая жизнь, что теперь будет расти внутри меня. Разве может быть что-то важнее?

Врач пожимает плечами, убирает бумаги в сторону и достает из ящика белого стола талон.

Наверное, это в порядке вещей. Когда мамочки приходят и говорят, что отцов нет. Сколько еще таких девчонок, которые решили рожать, несмотря на одиночество, уверенные, что поступают правильно.

В любом случае самое важное, чтобы отец малыша никогда не узнал о том, что зачал ребенка. Потому что ему нельзя рушить карьеру. Потому что он женился два с половиной месяца назад. Потому что я люблю его. Не хочу портить жизнь.

А самое главное – не хочу, чтобы его ревнивая жена Надя заподозрила мое положение и связала это с Никитой. Потому что тогда она обнаружит мое прошлое. И не видать мне тогда спокойной жизни. Нигде.

– Вот направление на УЗИ. Вот анализы. Запишитесь на прием, когда все сдадите, – протягивает врач мне все документы, и я автоматически их забираю.

– Хорошо, – киваю в прострации, невольно цепляя взглядом плакат с ребенком у женской груди. Скоро и я буду так кормить.

Опираясь рукой, чувствуя, как от счастья кружится голова, прощаюсь и иду к двери. В коридоре сразу встречаюсь с большими глазами светловолосой Васи. Мы с ней встретились первый раз, когда она на отдыхе попала в гарем в Саудовской Аравии. А я там уже была, еще совсем маленькая. Ее тогда спасли, а меня подобрали военные. На долгие десять лет наши пути разошлись. Но теперь она рядом. Пришла в самый сложный момент и подставила тонкое плечо. Свое и своего мужа Макара Черкашина. Теперь они мои друзья и я знаю, что в любой беде могу обратиться к ним. Или просто зайти в гости.

Васька волнуется, кажется, больше чем я. Сидит, теребит край своей голубой юбки. Но, не выдержав моего молчания, подскакивает.

– Ну?!

– Да...

Она понимает все правильно. Именно она привела меня сюда. Именно она догадалась, почему меня постоянно клонит в сон, а когда поднимаюсь по лестнице, задыхаюсь.

– Ты должна сказать Никите. Звони прямо сейчас, – подходит близко, берет под руку.

– Ни за что, Вась. Никогда. Он, конечно, рано или поздно узнает о беременности. Но он никогда не должен узнать, что этот ребенок от него, – выговариваю строго и веду нас в сторону нужного кабинета. Поворачиваюсь перед тем, как туда зайти.

– Ален... – собираешься уговаривать? Не надо...

Это было решено в тот день, когда он сделал выбор. Он выбрал успех, карьеру и жену с идеальным прошлым. Куда мне до нее?

– И ты мне пообещаешь, что от тебя он ничего не узнает. Поклянешься...

– Это неправильно... – бурчит она, но знаю, что согласится. Какое ей дело до Никиты. Васька печется обо мне.

– Из всей моей неправильной жизни этот поступок самый верный. Пусть ему жена рожает. А этот малыш будет только моим.

И словно по заказу звонит на телефон папаша. Никита звонит. Странно. Три месяца прошло. Ни слуху, ни духу. А теперь звонит... И не ответить, значит, вызвать подозрение. Прикладываю палец к губам, чтобы Вася не издавала лишних звуков. И, собираясь с духом, нажимаю ответ на вызов. И сразу голос. Знакомый, до боли родной. Такой запретный с хрипотцой.

– Ты заболела? – спрашивает Никита.

– С чего ты взял?

– А что ты делаешь в больнице?

– Вася попросила с ней съездить. Она снова беременна.

И тишина. Потому что сказать больше нечего. Все слова застряли в горле.

– Алена...

– Мне нужно идти. Васю зовут на УЗИ.

Она смотрит на меня недовольно, но я пожимаю плечами. Пришлось выкручиваться.

– Ермилова! Проходите! – вызывают меня и я, задерживая дыхание, захожу внутрь темного кабинета, где мне показывают, куда ложиться.

Глава 2. Алена

– Ну, что? Мальчик, девочка? – нетерпеливо спрашивает меня Вася, а я усмехаюсь. Вот уж точно не то, что меня волновало, пока лежала на УЗИ. Скорее думала о том, что мой ребенок будет расти в безопасности и любви. А пол малыша не важен.

Сейчас вообще ничего не важно.

Это ощущение прострации настолько захватывает, что я осознаю реальность, когда Вася довозит меня до отеля «Авангард», где я тружусь горничной. Без образования другой приличной работы мне не найти, да я и не жалуюсь...

Мне здесь нравится все. И коллеги. И клиенты, и инвентарь, даже начальница. И пусть она часто ко мне придирается.

Но это и понятно. Будучи подругой жены Никиты она обязана меня ненавидеть.

Тем не менее, госпожа Самсонова еще не объявлялась в этой части Москвы, чтобы с позором выгнать бывшую соперницу. А может ей все равно, ведь на своей свадьбе она обнародовала мое прошлое, уничтожив единственный шанс нам с Никитой быть вместе.

Теперь я здесь, работаю по двенадцать часов. А она мелькает в прессе как жена одного из самых перспективных политиков страны. Но я уже говорила. Я не жалуюсь! Мне не на что жаловаться, потому что по сравнению с тем, как и где я провела последние пятнадцать лет, сейчас это рай на земле.

– Так, – говорит Вася, привлекая мое внимание, – у нас много дел. Здесь недалеко есть отличный магазинчик для беременных...

– Прр, стой. Стой! – торможу я эту неугомонную. – Пока пуза не видно, я не собираюсь привлекать внимание к этому.

– Тогда тебе нужно уволиться, – радуется она так бурно, что хлопает в ладоши.

– Нет, Вася. Я не собираюсь висеть на шее вашей семьи. Даже не думай. Мне хватило дома Самсоновых, теперь я буду сама себя обеспечивать.

Я провела у родителей Никиты две недели. Из всего пережитого за свою жизнь это было самое грешное и сладкое время. Время, которое я никогда не забуду. Тем более результат этого сейчас растет в моем животе...

– Вот ты упёртая, – ругается Вася. – Иди, работай, мой унитаза. И не звони мне сегодня, я зла...

– Люблю тебя, Васька, – смеюсь я и выхожу из машины. Именно в тот момент, когда Вася уезжает с парковки, на неё залетает красный Порше. И я уже предчувствую, что этот день не будет обыкновенным.

Эту машину, наверное, знал каждый гаишник в городе. Знали и делали вид, что ее не существует.

Ну а что еще скажешь, если раньше при каждом выписывании штрафа за превышение скорости офицера внезапно лишали премии. А все потому что Виктория Даниленко могла уговорить своего отца подполковника буквально на все. Даже выбрать вместо юридического факультета – туристический.

И вот она в отеле главный менеджер и очень часто портит мне жизнь попыткой насолить или подставить. Хотя за время моей работы наверняка поняла, что это бессмысленно. Я такие ситуации за километр чую и еще ни разу не попала в ловушку.

– Ну что ты пялишься? – орет она, открывая свою спортивную машину. Буквально вываливается на асфальт, но с королевской выдержкой протягивает мне тяжелый пакет. – Подержи сумочку.

Да уж, перепутать свои клатчи с этим может только алкаш.

Усмехаюсь с этой безумной. Подхожу, и меня практически сбивает с ног запахом перегара. Кто-то вчера хорошо развлекся.

Беру тяжелый пакет, в котором скорее всего новые меню для ресторана отеля, и отхожу подальше. Кто знает, что эта блондинка выкинет дальше?

– Даже не позлорадствуешь? – поднимает она голову, потому что тело поднять не может. А я еле сдерживаю смех. Ну она на самом деле выглядит забавно с раскоряченными в сторону ногами, обутая в «Лабутены».

– Как только будет повод, обязательно. Позвать Михея, чтобы помог дойти? Ну... – не могу удержаться от укола, – или донес тебя.

– Фигушки... Ты же у нас мать Тереза, всем помогаешь. Вот и мне помоги. Дай ты уже руку.

Протягиваю пальцы, она хватается и вскрикивает, когда я рывком дергаю ее на себя.

– Коза, – шатается она, смотря мне в глаза. – Я вижу, что ты смеешься надо мной. Я для этого тебя нанимала? Чтобы ржать?

– Ты меня не нанимала, – напоминаю и кладу ее тонкую руку себе на плечо. Мы вместе идем к подземной парковке. Она не сопротивляется, но удивление на ее лице комично.

– Куда мы?

– В твой кабинет, только через парковку.

– А почему не через центральный вход? Я должна проверить работу... – балаболит она без остановки, на что у меня начинает голова трещать, и я перебиваю эту проверяльщицу.

– Хочешь, чтобы сотрудники и гости увидели твой кордебалет?

– Да, точно. Но это не считается. Мы еще враги, потому что ты бывшая любовница мужа моей подруги... Во!

Выговорила...

– Да, пожалуйста, – усмехаюсь, кивая мальчишке парковщику, и сразу вспоминаю первую встречу с Викой после свадьбы Никиты и Нади.

Я тогда работала уже пару недель и, надо сказать, была довольна как ребенок в рождественское утро. Единственное затруднение вызывали постоянные мысли о Никите, которые возникали очень часто из-за монотонной, физической работы, музыки в подобранном по моим увлечениям плейлисте и довольно легкого графика.

Но все изменилось, когда из отпуска вернулась Виктория Владимировна.

Глава 3. Алена

Это было настолько судьбоносное совпадение, что я немедленно позвонила Васе. Правда потом тут же выключила телефон, не успев нажать на вызов. Даже по голове себя ударить хотелось за столь опрометчивый поступок.

Потому что стоило Васе хотя бы намекнуть, что мне угрожает малейшая опасность. Опасность снова нарваться на Надю или кого бы то ни было из окружения Никиты, она бы как Черный плащ примчалась меня спасать. И скорее всего забрала бы с работы, что она так жаждет сделать.

Так что я решила смотреть по ситуации и решать проблемы по мере их поступления. Тем более, что угрозы от Вики я не ощущала. Она, скорее, как уж. Укусить может, но не смертельно.

Первые пару дней были мысли уволиться, поискать другое место, но ее подставы напоминали игру ребенка, и я поняла, что на это стоит посмотреть. Тем более это отвлекало от воспоминаний о теле Никиты, что уже при первой встрече казалось мне симпатичным, а потом при более детальном тактильном контакте просто совершенным.

Но дело даже не в широких плечах или тому, что он смог пробудить во мне желание, так долго спавшее. Дело в сочетании благородства и полном отсутствии понимания истинного значения этого слова.

Он хочет помочь всем, но избирает не верные методы.

«Это ты так не думаешь о Никите?», – ругает внутренний голос, и я вздыхаю, пока добиремся до лифта и едем на второй этаж. Вот опять, стоит только немного задуматься... Тут же все мысли, как подводные течения стекают только в один бушующий океан моей жизни. Океан, в котором я плавала всю жизнь. Ведь именно думы о мальчике, с которым я дружила в детском доме, помогли мне не сдаваться, даже когда приходилось захлебываться в дерьме или спасаться от насильников.

И, получается, только Вика и ее игры на выживание в отеле помогают мне отвлечься.

Мы добираемся до ее фешенебельного кабинета, где Вика буквально сваливается в свое черное в цвет стола кресло.

Я хочу снять с себя ее руку, но она внезапно надавливает на шею, притягивая меня к себе.

Тело пронзает страх, конечности покалывает, как от холода.

Вдруг Вика начнет угрожать или снова цепляться к работе? Но она просто дует в лицо смесью алкогольных и никотиновых запахов вместе с фразой, повергнувшей меня в шок.

– Ты золото. Никита идиот, что выбрал не тебя.

Смотрю пару секунд в ее мутные, зеленые глаза, а затем она просто валится в сторону как кукла. А я кладу ее на стол щекой, подложив ее же черный шарфик, что дополнял бежевый деловой костюм. Она может быть вдрызг пьяной, но всегда будет стильной.

Прокручиваю в голове ее фразу и чувствую, как защипало в носу, а глазах пелена. Но плакать я не буду. Эту же фразу я говорила недавно Васе.

Ну не выбрал. Ну и правильно. Пусть и дальше спасает сироток. Особенно рьяно он должен взяться за это дело после разоблачения его отца. И причастности к перевозкам сирот в фурах, в которой я много лет назад и попала в Европу.

Страхиваю мысли о трудном детстве или еще более тяжелой деятельности в юности. Настраиваю себя на работу. Пора переодеваться и приниматься за чистку номеров.

И уже хочу открыть дверь и выйти, как в кабинет Вики врывается весь замыленный и растрепанный старший администратор Дима. Он главный по размещению гостей. Довольно часто пытается меня склеить, но сейчас ему не до меня.

– Вика, спасай! Там бизнесмены из Германии. А я ни бэ, ни мэ не шпрехаю, – смотрит он на меня, потом на Вику, снова на меня. Потом резко разворачивается к шкафу, что стоит в углу кабинета. Снимает с вешалки рабочий деловой костюм Вики.

И все это настолько быстро, что у меня перед глазами круги. Но еще сильнее меня повергла фраза.

– Алена. Раздевайся!

Глава 4. Алена

– Я тебе уже говорила, что эта плохая идея? – дергаю юбку, что оказывается мне немного тесна, хорошо хоть блузка и пиджак налезли.

– Пять раз. Не дрейфь. Вика потом тебе ноги целовать будет, – обещает Дима, буквально таща меня по коридорам отеля.

– Как бы не посмертно, – говорю я и как болванчик киваю сотрудникам, что оглядываются нам вслед. Ну еще бы! Меня привыкли видеть в штанах. Даже форму горничной я выбрала с ними. А тут юбка. И каблуки. Они меня особенно бесили.

– Не будь пессимисткой, – отмахивается он и буквально толкает вперед себя, к ресепшену. Администраторы обычно говорят по-английски. Немецкий знает Вика. Ну и, судя по всему, я. Только вот напряженные пятеро гостей в деловых костюмах говорят на голландском, о чем бледные девочки за стойкой даже не подозревают.

– Это не международный отель! Это просто цирк! – орет на голландском тот, что, судя по размерам, является главным... Главным любителем шведского стола. – Мой Босс хочет провести командировку с комфортом, а ему не могут даже номера люкс предоставить?!

Быстро осматриваю «Босса», но он больше занят разговором по телефону и стоит спиной. Значит, толстяк помощник. Интересно, его наняли, чтобы скандалы устраивал? Или сейчас он просто голодный.

– Мы обязательно разместим вас в люксе, – немного неуверенно привлекаю внимание, и все пингины как дрессированные оборачиваются, кроме босса. Меня это воодушевляет, и я продолжаю. – А вы знаете, что меню нашего ресторана располагает многочисленными блюдами европейской кухни. И завтрак, разумеется, будет включен. А еще ужин, как извинение, – заканчиваю с улыбкой на чистом голландском. И слышу в ухо шипение.

– С ума сошла? Это же не немецкий! Думаешь, я не знаю, как говорил Гитлер?

– Но они-то не немцы, – отвечаю, не отрывая взгляда от влажных глазенок толстяка. И не знаю, что его заинтересовало больше. Бесплатный ужин или моя чуть задравшаяся юбка. И не поправить же....

И все бы ничего, сейчас все решим, всех разместим. Но у меня есть стойкое ощущение опасности. Это при том, что Вика далеко и не достанет своим маникюром до меня.

– А кто? – дергает меня неутомимый Дима.

– Амстердам тебе о чем-нибудь говорит?

– Это где улица красных фонарей? – переговариваемся мы, пока толстяк что-то обсуждает с одним из мужчин.

– Она самая, – отвечаю по-русски и возвращаюсь к голландскому. – Дорогие гости, меня зовут Виктория, позвольте вас проводить на ваш этаж.

Беру ключи у администраторов, все еще пребывающих в шоке, и иду вровень с толстяком, рассказывая ему о прелестях нашего отеля. Не то чтобы я их учила. Просто убирала почти везде.

– А вы входите в преискурант, Лина? – слышу за спиной голос «Босса» и словно проваливаюсь в прорубь со стуженой водой. Воспоминания дня, когда я его уже слышала буквально, с головой накрывают, вынуждая двигаться разве что по инерции.

– Мне сказали, что ты можешь сопротивляться. Но я надеюсь на твое благоразумие, Лина...Ты же помнишь, сколько я за тебя заплатил? – слышится его же голос из того дня, когда впервые за много лет я не смогла избежать продажи своего тела и по-настоящему стала путаной. И если бы не он в ту первую ночь с Никитой я бы оказалась девственницей. Тогда все могло сложиться по-другому.

Возможно, это я бы вышла за него замуж, возможно он был бы рядом... Возможно... Но в сказки можно верить, а жить надо в реальности. С тем, что имеешь.

Резко возвращаюсь в реальность. Совпадения в моей жизни стали слишком частными. И я бы сказала опасными. И я бы сказала ненормальными.

– Вы ошиблись, – даже не оборачиваясь, говорю я. – Меня зовут Виктория и я уверена, что в Москве достаточно организаций предоставляют подобные услуги.

Именно в этот момент я решила, что поведу мужчин по лестнице. Стоять с ними в лифте – тесном, закрытом пространстве – я не намерена. Толстяку, конечно, будет сложно, но видеть того, кто купил мою девственность на аукционе три года назад, я не хочу.

Но все равно сталкиваюсь лицом к лицу с позорным прошлым, когда протягиваю ключи.

– Я не забыл тебя, Лина, – говорит он мое европейское имя, цепляя вместе с карточкой-ключом руку, а мне меньше всего хочется разглядывать его тонкие черты лица и жиденькие светлые волосы.

– Вы с кем-то меня спутали. Извините, и приятного отдыха, – ретируюсь. Снова по лестнице, чтобы выбежать на улицу и вдохнуть свежего воздуха. Может быть, тогда меня отпустят мерзкие воспоминания о его тонких руках на своем теле. И при таком раскладе лучше вспомнить тот кайф, что я испытывала, когда ощутила на себе губы Никиты. Его руки. Его совершенное тело. Да, лучше вспоминать любимого, чем клеймо, от которого мне теперь не отмыться.

Глава 5.

В этот яркий солнечный день ноября, пока Алена кусала губы в иступлении и страхе, что ей снова придется переживать позор прошлого, о ней думали четверо.

Ближе всех располагался Роберто Данели. Он слушал своего крупного помощника о планах в Москве и думал, что найти Лину здесь он рассчитывал меньше всего. Невероятной красоты девственница. Дерзкая на язык и абсолютно пассивная в постели.

Но его это устраивало. Он еще тогда хотел ее себе. Она бы украшала его жизнь одним своим лицом, вылепленным в лучших традициях скульпторов времен классицизма. А ее цветущее тело обязательно выносило бы пару чистокровных голландцев.

Но ко всему этому он пришел позже, когда она не согласилась стать его любовницей и треснула принесенным с утра стаканом сока по голове. Такое не забывается, но время Роберто не резиновое, и он перестал ее искать.

А вот судьба благоволит.

Он снова с ней встретился. Наверное, надо поблагодарить господина Мордасова, который пригласил его в Россию, как представителя инвестиционной компании. Тот собирается вложить крупную сумму, скорее всего отмытую. Но Роберто слишком любил деньги, чтобы интересоваться, откуда они у клиентов. Деньги и красивые вещи.

«Да, Лина станет прекрасным дополнением в его коллекции красивых безделушек», – решает он для себя и откидывается на кожаный диван лучшего номера, чтобы закрыть глаза и вспомнить тело Лины во всех деталях. От шелка лунных волос до маленьких аккуратных пяточек. Жаль, когда он захотел их полизать, она рефлекторно ударила его в нос.

О том, как Алена ударила его в нос, думал и Никита.

Вспоминал этот момент, вспоминал и другие ситуации, связанные с ней. Ежедневно перебирал в своей голове, как ребенок перебирает любимые, спортивные карточки.

И везде была она. Алена.

То под ним, выгибаясь дугой в пароксизме страсти.

То над ним, интенсивно работая бедрами. Так резко и сильно, словно рождена наездницей.

То на коленях с покорным видом, готовая на все.

Но все эти воспоминания проносились комарами в сознании Никиты, кусали и летели дальше. Самые же опасные были те, которые ежедневно пили его кровь, словно клещи. Отравляли существование, манили не думать ни о чем, кроме этих моментов. Это касания рук и губ. Порой кажется, что эти карточки с Аленой в его голове всегда.

Вот секретарша приносит кофе, а Никита вспоминает, как аккуратно чашку умеет держать Алена. И не только чашку. Некоторые части тела она держала, словно божественный скипетр. Крепко, но нежно.

А губы... Боже, ее губы так часто пахли любимым горьким шоколадом, что будь у него возможность, он бы не целовал ее, а жрал губы.

Порой Никита заходит в кондитерскую рефлекторно, на инстинктах, чтобы просто втянуть этот шоколадный аромат. Чтобы просто вспомнить, на что способны эти сладкие, пухлые губки.

И каждый раз от подобных мыслей внутренности скручивает в узел, накидывая на шею удавку и опалая низ живота. И каждый раз он вспоминает данное Алене слово не появляться рядом. Оставить в покое во имя всего, что между ними было.

Но как же сложно порой не свернуть на нужную улицу, чтобы не оказаться или рядом с отелем, где она работает горничной, или рядом с домом, где она только отсыпается, или рядом с клубом, где она проводит четыре часа в неделю, занимаясь танцами. Какими – Никита не

знал. Но в его затуманенном ядом похоти и желания сознании часто появлялась трансляция первой встречи с Аленой после того, как они не виделись пятнадцать лет. С самого детства. И не мудрено, что он не узнал ее.

Худая, маленькая девочка даже близко не походила на деву, создающую магию вокруг шеста, что импульсами уже стреляет в пах. Так сильно, что в реальности Никита выгоняет секретаршу. Чтобы не подумала, что оттопыренная ширинка из-за нее.

А вот при Алене он не стеснялся этого демонстрировать и того, что ширинка скрывала. Он предложил ей в первую встречу продаться, и даже баснословная сумма, названная Аленой, не остановила его. И уже в ту ночь они стали любовниками.

Но только с утра узнали, что были когда-то знакомы. Не просто знакомы, а дружили. Так сильно, что Никита предавался фантазиям об Алене все пятнадцать лет, а Алена найдя в образе наглого мальчишки спасение.

Никита ненавидел самого себя за данное Алене слово не приближаться... И ненависть он решил утопить привычным способом. В компании последнего оставшегося друга Камиля и вечного приятеля страдальцев – алкоголя.

У отца же Никиты, Юрия, друзей не было.

Зато была жена, которая упорно отказывалась его видеть.

Наняла охрану и даже обратилась в суд, с целью запретить Самсонову приближаться к ней и к двум несовершеннолетним детям. Анне и Сереже.

И винил в своей беде Юра как раз-таки Алену. Потому что именно она на свадьбе сына разоблачила Юру, как человека, который занимался незаконной перевозкой сирот в Европу. То есть прикрывался благотворительностью и борьбой с тем, кого в итоге и возглавил.

Но каким бы не было желание Юрия отомстить, раньше он бы так и поступил, – сейчас он решил сосредоточиться на шантаже, которым собирался вернуть свою Мелиссу.

Насчет шантажа думала и Виктория Юсупова. Она была уверена, что Алена наверняка будет грозить ей разоблачением того, что она спала после очередной попойки в клубе. Иначе почему Алена ее не разбудила. Иначе зачем забрала рабочий костюм?

«Тварь», – решает Вика, думая, что все-таки Надя была права насчет этой разлучницы. Именно это она планирует ей сказать прямо в лицо. Но планы меняются, когда на административном этаже – вход в него есть только у высшего руководства – появляется начальство.

– Виктория! – стреляет в спину менеджера голос нового директора отеля Балаева Марата Каримовича. Приятного внешне, но отвратительного внутри человека. Вика до сих пор не могла забыть общее прошлое и пойти дальше.

Она бы может и забыла, но Никита устроил Марата в этот отель, именно тогда, когда взял на работу саму Вику. Ну не сволочь ли... Именно поэтому она еще не сказала ему, где Алена. Пусть мучается.

– Да, Марат... Каримович, – еле сдерживает маты, потому что вчера она пол ночи ему названивала, а он не взял трубку.

– Не знал, что ты учила голландский. И надо признать, весьма удивлен. Эти инвесторы могли разнести об отеле неприятный слух о некомпетентности. Так что я тобой доволен и снимаю предыдущие пять предупреждений.

Часто-часто моргая и пытаясь быстро сообразить, о чем вообще речь, Вика выдает одно лишь слово, способное не дать подозрению просочиться в мозг этого истукана.

– Спасибо...

Марат Каримович кивает, неслышно ступает по синим коврам к лифтам, но его догоняет Виктория.

Ей потребовались доли секунд, чтобы принять несколько решений и убить сразу пару зайцев.

– Это не я, – говорит она немного запыхавшись. Пора завязывать с ночными прогулками.
– Это Алена.

– Алена? – хмурится директор. Он вряд ли может запомнить всех, кого принял на работу.

– Горничная. Она знает несколько языков. Ты ее не знаешь.

– Понял, – кивает директор и ждет продолжения диалога. Но Вика засматривается на тату, мелькнувшее в вырезе не застёгнутой белой рубашки. Она быстро поднимает взгляд, чтобы не быть раскрытой за подсматриванием. Она вообще крайне удивлена, что у такого по всюду правильного человека может быть тату.

– Я могу взять ее помощницей?

– Зачем?

– Если вдруг к нам нагрянут французы или арабы. Не буду же я звать горничную. А вот администратора... – поясняет она, имея целью держать Алену как можно ближе к себе.

И как можно дольше мучая Никиту.

— Она знает несколько языков. Если вдруг нагрянут иностранные гости, то не буду же я звать горничную, а вот администратора, — ну и следить, чтобы она случайно с Никитой не столкнулась. Вдруг у Нади ее план получится и Никитушка станет счастливым обладателем чужого ребенка. Некоторым мужикам это полезно.

Она вот даже Марату сейчас этого желает, потому что люто, люто на него зла!

— Как хочешь, только найди другую горничную, а то убираться будешь сама.

— А ты только этого и ждешь, увидеть меня в форме горничной?

— Я жду, что ты перестанешь бухать и начнешь помогать мне развивать отель, а не только собственную депрессию.

Вика даже задыхается от возмущения. Он что, это все вслух сказал?

Она даже не нашлась с ответом, как он зашел в лифт и свалил! Скотина! Сволочь! Придурок! Нет, ну она ему устроит. Она ему так отель разовьет, да он рад не будет! Ему самому придется в номерах убираться, чтобы успевать за гостями!

Глава 6. Алена

Осенний холодок пробирается под одежду, и я обхватываю плечи руками. Еще немного постоять на воздухе без верхней одежды. Возможно, хоть так воспоминания прошлого выветрятся. Но проходит минута, другая, и я понимаю... что не помогает. Сейчас вряд ли вообще что-то поможет.

Разве что Вика, которая объявляется, когда иду в ее кабинет, чтобы вернуть одежду.

– У тебя не будет и шанса настучать на меня или спровоцировать, я договорилась... – начинает она громко наседать, но мне становится интересно... С кем и о чем она могла договориться...

– В стране объявят сухой закон? – перебиваю устало, уже в ожидании, когда она начнет очередной парад остроумных замечаний в мою сторону.

– Что? – тормозит Вика свою проникновенную речь, но потом до нее доходит. Что не может не радовать. – Очень смешно. Нет, просто теперь ты у меня в долгу. А все потому что...

Долг... Это слово срабатывает как своеобразный эмоциональный пинок в обрыв, на краю которого я стояла последние пол часа. Меня начинает потряхивать, а слезы сами катятся из глаз.

Я же сделала все, чтобы больше никому никогда не быть должной!

Я получила свободу!

А теперь эта спивающаяся фифа уверяет меня в обратном?! Да не пошла бы она?!

– Я никому ничего не должна! – в запале кричу, и Вика не понимает, давит еще больше.

– Фигня! Сейчас ты будешь ноги мне целовать...

– Сама себе целуй! И ноги, и задницу! Но я этого делать не буду. Никому не буду! – чуть отталкиваю ее плечом и бегу в сторону раздевалок для сотрудников.

Мне нужно уйти.

Мне срочно нужно домой. Накрыться одеялом, позвонить Васе и сказать, что я, кажется, уволилась. Вот и подтверждение.

– Если уйдешь, я тебя уволю!

– Да пошла ты! – показываю Вике неприличный знак и скрываюсь за дверью раздевалки. Там беру пальто, сумку, телефон и выхожу, чтобы спуститься по лестнице. Сбежать и дойти до метро. А там скрыться в толпе людей, вечно куда-то бегущих.

И почему я думала, что мой бег завершен. Теперь мне кажется, это никогда не прекратится. Я все время буду двигаться. Двигаться. Двигаться! Теряюсь в мыслях о прошлом, что клещами вцепилось и рвет на части душу. И ощущения мерзкие, словно каждый в этом вагоне, в этом метро знает, кто я такая. Каждый, словно хочет показать пальцем и предложить цену.

Голова начинает трещать, а в груди колотить. И единственное, что помогает, это тишина собственной квартиры, куда я забегаю спустя час эмоционального треша в метро. Самое главное, одеяло, которым я накрываюсь с головой.

Сейчас посплю, потом позвоню Васе и попрошу найти мне другую работу.

Да, так будет лучше.

Ни Роберто, ни Вики, никого, кто может меня напрячь. В конец концов у малыша должна быть спокойная мама, а не истеричка, чуть что бегущая неизвестно куда.

И только спустя пол часа решаю позвонить-таки Васе, уже даже откидываю одеяло, как вдруг звонит звонок в дверь.

Смотрю в недоумении на дверное полотно, украшенное красками. Мне так хотелось больше красок, что я пошла на художественные курсы. Теперь на двери цветы, а кто за ней, я понятия не имею.

Все знают, что сейчас я на работе.

Все – это Вася. Потому что больше никому здесь появиться. Если, конечно, Марсело, который и был организатором онлайн-аукциона несколько лет назад, не восстал из мертвых. После череды совпадений я уже ничему не удивлюсь.

И я бы меньше удивилась Марсело, чем той, кто стоит на пороге.

Пришлось даже протереть глаза. Может, я все же заснула?

– Если тебя подослала Надя, – сразу встаю в стойку обороны, на что Вика усмехается, отталкивает меня так же, как недавно ее я. Заходит внутрь, словно хозяйка. Хотя у всех богатых людей такая манера. Особенно у тех, кто тратит деньги родителей.

Ничего не остается, как закрыть дверь. В любом случае, если что, я всегда смогу свернуть ей руку. Вряд ли она изучала приемы самообороны или вообще занималась спортом. С ее худой фигурой она могла и не задумываться об этом.

– Никогда не поверю, что Никита оплачивает эту лачугу, – и только я хочу возмутиться и вообще выгнать ее, как она продолжает. Делает вывод. – Значит, ты с ним не спишь.

– Бинго, – выдыхаю и иду обратно на диван, что занимает довольно много пространства в светлой студии. Места остается только, чтобы сделать шаг от него до кухни. Так что приходится буквально протиснуться мимо Вики. – Пришла принести заявление на увольнение?

– Ну вот еще. Пришла спросить, почему ты плакала.

– Я не плакала, – напрягаюсь всем телом. Закрываюсь на все засовы, чтобы она не увидела мелькнувших эмоций. Но последнее время держать чувства в себе все сложнее.

– Я вижу тебя на работе почти каждый день. На лице всегда эта дебильная улыбка. Это, знаешь ли, раздражает. Человек не может быть счастлив настолько, особенно после того дерьма, что тебе устроила на свадьбе Надя.

– А что она устроила? – вот уж точно недоумеваю. И на внезапный интерес Вики. И тем более на поступок Нади, который в общем-то не мог навредить. – Знали только посвященные, а остальным насрать. Да и дерьма я хлебала похлеще этого, так что да, я счастлива тому, что имею.

Вика осматривает гнездышко и с типичным мажористым «м-да» напоминает:

– Тогда возвращаемся к тому, с чего начали. Почему ты плакала?

Ей рассказывать вообще ничего не хочется. Да и опасно это, но у меня под ложечкой сосет, что сейчас это необходимо. Не будь у меня интуиция такой пророческой и спасающей порой от самой страшной задницы в виде попытки склонить меня к групповому сексу или выстрелу в голову, я бы никогда ее не слушала.

– Выстрел из прошлого в виде покупателя с аукциона, – выдаю на одном дыхании и жду, что ее глаза расширятся, что она удивится и даже, может быть, скажет: «Ого!».

Но она опять меня поражает своим равнодушием.

– Ну и что? Ты же была путаной. Ты теперь из-за каждого встреченного клиента будешь рыдать?

Сначала в мозгу пульсирует желание вцепиться Вике в глотку и кричать: «Я не такая! У меня не было клиентов!». Но потом ее спокойный, немного рассеянный взгляд и мне дает осознание. И правда. Ну Роберто. Ну появился он в моей жизни. Земля-то круглая. И такие совпадения неизбежность. А значит надо выдохнуть и просто жить дальше. Ради себя. Ради ребенка. Даже если встречу Никиту. То тоже надо будет просто принять как данность, что живем мы в одном городе.

– Спасибо, Вик, – немного ошарашена от всего этого. – Ты права. Из-за каждого клиента точно рыдать не стоит.

– А сколько...

– А зачем ты пришла? – спрашиваю в лоб, перебивая и не давая ей задать дебильный вопрос.

– У тебя есть выпить? – тут же оборачивается она кругом и идет к холодильнику. – Боже, только не говори, что ты еще и не пьешь?

Пока она со стоном достает вишневый сок, я все-таки сажусь на диван и в прострации за ней наблюдаю. Странная она. Красивая, успешная. Но одинокая...

– Знаешь, после такой профессии ты стала святой. Не думала о монастыре? Там любят направлять заблудшие души.

– Моя душа при мне и никогда не блуждала. Да и богу я молилась всегда неправильному, – поясняю я, пока она рассматривает фотографии на холодильнике. В те две недели, что я была у Васи с Макаром, мне кажется, мы фотографировались постоянно.

– Да уж... Но вообще я пошутила...

– Я поняла... – отвечаю и воцаряется тишина, за которую я пытаюсь догадаться, что же Вике все-таки от меня надо.

– Ты мою форму помяла и растянула, – вдруг говорит она, оборачиваясь. – Так что тебе придется оторвать от дивана свою пухлую задницу и сходить со мной за новой.

– Это какой-то спор? Или эксперимент? С чего вдруг эти посиделки, разговоры по душам. Шоппинг.

– Ты мне интересна, – вот так, без прикрас – Мне вообще интересны люди, а которые смогли внести такой переполох в семье Самсоновых – особенно.

Вика была настолько прямой, что это вызвало тошноту. Но и не могло не вызывать уважение. Ну раз так, то и я буду говорить прямо.

– Я спасла ваши задницы с голландцами, так что ничего тебе не должна.

– Но если не пойдешь со мной по магазинам, то я не расскажу, кто устроил тебя в Авангард.

– Что? – в душе паника, и я подскакиваю с дивана. – Что значит устроил?! Я же сама нашла работу! Рассылала резюме, и мне позвонили.

– Ну да, ну да. И именно в Авангарде оказались самые заманчивые условия, – показывает она рукой «бла-бла» и идет к двери. – Так ты идешь?

Смотрю на нее дико, дышу часто, прерывисто, перебираю немногочисленные варианты устроителей моей жизни. И раз Вика хочет рассказать про того, кому я дам по башке, то так уж быть, схожу я с ней за новой формой.

– Иду, только форму переодену,

– Видела я твой гардероб, все самое нормальное оставила у Самсоновых, – говорит она и хмурится, смотря на кинутый на пол рюкзак. Оттуда вывалилась бумажка со списком анализов. Ничего криминального, но лучше ей не видеть. Рано еще. Пока пузо не видно, буду скрывать.

Так что поднимаю, закрывая обзор, и иду переодеваться. И почему мне кажется, что этот день никогда не кончится.

Глава 7. Алена

Могла бы и догадаться, что просто покупкой формы я не отобьюсь от этой пьянчужки. Она скупилла добрую половину магазина, в который мы зашли. Очень хотела купить что-то и мне, но один взгляд и она отстала. Таким обычно хищник на жертву смотрит. В итоге девять пакетов мы загрузили в ее спорткар и сели вперед.

– Ну, – наседаю я в который раз, прикрывая глаза от слепящего закатного солнца. – Ты обещала сказать, кто меня взял на работу.

– Ну, откуда я знаю? – хохочет она и прибавляет газу, на что у меня возникает очередное желание расправиться с ней самым тяжким методом. Ну что за детский сад в конце концов?

– Тогда зачем это все? Отвези меня домой. А лучше останови машину, и я выйду.

– Но, если сойдешь, я позвоню Наде и скажу, что ты работаешь у меня.

– Она не знает?

– Думаю, что нет. Иначе бы уже заявила с требованием тебя уволить.

– Скажи, Вика, а это нормально, да, искать себе приятелей или любовниц за счет шантажа? Вас всех этому в какой-то особой школе учат?

– Все всех всегда шантажируют. Родители детей, чтобы они делали то, что они хотят. Учителя в школе, тренера, потом профессора. Ты что же думала, приедешь в цивилизованную жизнь и станешь человеком? Мне почему-то кажется, что здесь хищников побольше...

– Падальщиков – я бы сказала, – отвечаю, понимая, что во многом она права. Хотя в семье Васи я не помню такого уж явного шантажа, скорее уговоры на ту или иную тему.

– Давай поедим, я проголодалась. Потом я отвезу тебя домой и всю следующую неделю не буду строить из себя мегеру.

– А, то есть это не состояние души?

– Ха-ха, – усмехается она и тормозит возле ресторанчика, что прилегает к многоэтажке и выглядит как европейский домик. Да и название говорит само за себя – «Бавария». – Здесь самые вкусные сосиски в городе.

– Даже думать не хочу, почему ты по всему городу искала сосиски, – поджимаю губы, чтобы не рассмеяться, а она показывает язык и выходит из машины. Я за ней. В пабе немногочисленно, еще только шесть. Народ скоро подтянется.

Так что мы занимаем один из центральных столиков на втором этаже, где открывается вид на бар и весь зал первого этажа.

– Что ты будешь пить? – спрашивает Вика, а я смотрю строго и напоминаю.

– А кто меня домой обещал увезти?

– Такси с этим прекрасно справится, – пожимает она тонкими плечами и заказывает пришедшему официанту ассорти из сосисок. Себе бокал красного пива, а мне...

– Сок, пожалуйста. Вишневый. Можно сразу литр.

– Так жить нельзя...

– Ты себе это в зеркало говори по утрам, когда видишь опухшее лицо.

– Подерзи мне еще. Мне Камиля с его нравоучениями хватает.

Имя лучшего друга Никиты сразу всколыхивает море внутри меня. Теперь там шторм, а мое спокойствие стремительно тонет в воспоминаниях о Никите и о том, что мы пережили за две недели. И Камиль был невольным участником тех событий. Конечно, он кобель и пытался меня соблазнить, а Никита ревновал, и порой это выливалось в потоки обжигающей страсти. Но человек, несмотря ни на что, он хороший.

И словно насмешкой судьбы жар кожи на щеке, а затем и во всем теле вспыхивает, словно кто-то зажег свечу и поднес к моему лицу.

И я знаю только одного человека, который может смотреть вот так. Словно уже нагнул и сделал все, что так жаждет его развращенная душа.

– Поверить не могу! – восклицает Вика, хлопнув в ладони, смотря туда, откуда, собственно, полыхает пожар взгляда Никиты. – И как они могли здесь оказаться, в пятничный вечер в пивном пабе, в центре Москвы. Ума не приложу.

– Ты это специально! – шиплю я, даже не оборачиваясь. А если он там с Надей? Я не переживу. Я должна уйти прямо сейчас.

– Ну вот что тут скажешь... Я просто хочу дать тебе понять, что ваши встречи неизбежность. А значит ты должна принять это и успокоиться.

– Если узнает Надя, под ее гнев попадешь ты!

– Вот чего я никогда не боялась, так это Нади, – хохочет она и поворачивается в сторону столика Никиты. И кто бы там еще не сидел, потому что смотреть я туда не собираюсь. Вот даже взгляд не кину. Все верно. Никита такой же клиент, как и Роберто. Был секс. Ну и что. Все в прошлом. Ну и что, что сердце бьется как бешеное, а голод по его прикосновениям и поцелуям невыносимый, почти агония.

– Я не могу, Вик, – прикрываю глаза, часто дыша. – Дай мне уйти.

– Тогда ты покажешь, насколько уязвима. А он должен понять, что ты стала новым человеком. Алена, повернись к нему и помаши рукой так, как будто между вами ничего не было.

– Господи, я столько пережила, зачем ты кинул в меня этой женщиной?! – обращаюсь я к небу, думая, что лучше еще раз побегать по пустыне, чем сидеть с этой психованной за одним столиком.

– Я подарок судьбы. А ты можешь или остаться шломблой с темным прошлым, или можешь стать женщиной с таинственным прошлым. Решать тебе...

– Ты сумасшедшая...

– Не без этого. О, Камиль, – откидывается она на спинку стула и улыбается самой соблазнительной из улыбок. А ее огромные глаза делают это почти оскалом суккуба. – Какими судьбами.

– Решил поприветствовать двух самых прекрасных блондинок в этом городе...

– Я почти поверила, – усмехается она и указывает на меня.

– Помнишь Алену? Это администратор нашего отеля.

– Да уж, – поворачивается ко мне Камиль, а я прыскаю со смеху. Я очень рада его видеть. Он ничуть не изменился за два месяца. Кажется, только волосы на солнце еще больше выгорели, а рубашка теснее обтягивает атлетически сложенную фигуру. – Рад тебя видеть.

– Взаимно...

– Ты бы не доверяла этой тигрице...

– Тигры не страшные, – говорю я, пока Вика готовится к словесной перепалке, налегая на пиво. – Их действия можно предугадать.

И только Камиль хочет ответить, как Вика затевает настоящую словесную баталию о том, каким животным она считает своего бывшего парня. Да, они встречались, но расстались из-за его измены. И если Надя терпела подобное поведение Никиты и просто расправлялась с особо опасными соперницами, чтобы никто не заменил ее на poste будущей леди. То Вика просто разорвала отношения.

И пока они ругаются, а жар кожи становится почти невыносимым, я думаю, а смогла бы я простить. Или ушла бы? Потому что осознание, что Никита так близко, разрывает душу. И мне стоит огромных усилий, чтобы не сорваться к нему и не шептать, умолять сделать меня своей любовницей, хоть кем, только чтобы он был рядом. Только чтобы его тело нависало над моим. Только чтобы его губы сводили меня с ума. Только чтобы его голос говорил грязные словечки. Только чтобы его дыхание всегда опаляло мою кожу.

Прикрываю глаза и чуть поворачиваю голову. Я просто взгляну. Узнаю, один ли он. Может, он вообще на меня не смотрит. Может быть, он с новой любовницей. Может, он забыл меня?

Но стоит открыть глаза, как я натыкаюсь на убийственный взгляд и лицо с более острыми чертами, чем раньше. Если раньше он казался мне красивым, то теперь пугает. Словно прошло не два месяца, а двадцать лет, словно живет он не с Надей, а с настоящей змеей и каждый раз отбивается от удара ее клыков, заполненных отменным ядом. Но сейчас мой яд – это Никита. А мне очень нужно, просто необходимо умереть.

– Так, Камиль, иди к этому алкашу, пока он не спился, – слышу сквозь шум в голове голос Вики и осознаю, что Никита, пока мы сидим, выпивает два бокала неразбавленного виски. Идиот. Теперь даже не знаю, сможет ли он соблюдать свое обещание и не подойти ко мне.

И самый главный вопрос – хочу ли этого я. Хочу ли я, чтобы он держался на расстоянии.

– Понял, только не понял, что тебе от Алены надо...

– Алена сможет себя защитить, а вот твои причиндалы не уверена, – хватает она вилку, и Камиль, рассмеявшись, ретируется.

К нам снова подходит официант. Я выпиваю стакан сока залпом, просто чтобы увлажнить иссушенное эмоциями горло. И закашливаюсь под заинтересованным взглядом Вики. Но если она и могла расстаться с Камилем легко, мне разлука с Никитой дается тяжелее, чем я думала. И улыбка лучшая маска, чтобы никто не заметил, какая боль скрывается за ней.

– На меня смотри, – требует Вика, когда мой взгляд магнитом тянет на первый этаж.

– Смотрю.

Она откидывается на спинку стула, закидывает ногу на ногу, а я пытаюсь не сорваться. Не бежать. Или отсюда подальше. Или к Никите на колени.

– Надя на свадьбе показала аукцион. Тебя на нем продали?

– Серьезно? – поднимаю брови, делая как она и тоже откидываясь на стуле. – Хочешь поговорить об этом?

– Моя жизнь не интересна, а вот рассказав, что с тобой приключилось, ты сможешь начать чувствовать себя человеком.

– Я и так чувствую себя...

– Нет, если боишься прошлого как огня. Я же видела твое лицо, когда Надя включила запись.

Я шумно выдохнула, потом вздохнула и задумалась.

А почему бы и нет? Что я теряю, рассказав ей то, что и так известно.

Так я смогу хотя бы на мгновение избавиться от агонии, что сжигает меня изнутри. А может это сигаретный дым и алкогольные пары дурманят мне сознание и делают более откровенной?

– Мне было шесть, когда я познакомилась с Никитой, – начинаю говорить я и кидаю на него взгляд. Он смотрит в бокал, который сжимает до побелевших костяшек и слушает Камиля. – Он попал к нам в детдом после смерти приемных родителей.

– Я просила историю о тебе, историю Никиты я знаю. Знаю, что его выкрали из детдома, знаю, что пока он ехал в одной из фур в Европу, там оказалась его родная мать. Знаю, что они потом с Юрой спасли его. По этой истории можно снимать кино и обязательно поплакать. А где была ты?

Фильм... Жаль, что фильм по моей истории не покажешь в кинотеатрах. Ни одна цензура такого не пропустит.

– Я тоже ехала в той фуре. И я не могу рассказать свою историю без отсылок к Никите. Ведь именно дружба с ним помогла мне выжить.

– Каким образом...

– Мы стали близкими друзьями, там, в детдоме. И потом, оказываясь в опасности или на грани насилия, я вспоминала его. Я надеялась, что однажды он найдет меня, и мы снова будем дружить. Потом это чувство сформировалось в нечто более глубокое, и я не могла пойти как все другие девушки без денег и продать себя. Мне казалось это предательством.

– Ты даже не знала жив ли он... Ты ничего о нем не знала...

– Можешь думать, что хочешь. Но я верила, что однажды мы встретимся...

– Так и случилось. Только вот невинность ты так и не сберегла.

Я качаю головой, но не вижу в глазах Вики осуждения и продолжаю.

– Меня привезли в один публичный дом. Продать меня не могли долго, потому что я себя калечила.

– Как?

– Дралась с охраной, с клиентами. Делала все, чтобы стать непригодным для продажи товаром.

– Но тем не менее, аукцион был... И мы знаем Роберто...

– Там была девочка, тоже русская. Мы сдружились, и, что удивительно, меня на какое-то время оставили в покое. Я расслабилась, перестала каждый день пытаться убежать, зажили синяки. И однажды они схватили эту девочку и сказали, что изнасилуют ее, если я не пойду на этот аукцион добровольно. Она так просила ее спасти, – вспоминаю я крики малышки, что в свои восемнадцать выглядела совсем ребенком. – Я согласилась.

– И был секс с этим Роберто, – допытывается Вика, а я выпиваю еще стакан сока, с отвращением вспоминая, как он раздевал меня. Словно щупальцами хватался за разные части тела.

– Был.

– Понравилось?

Вскидываю взгляд, чтобы опалить Вика негодованием, но отвечаю негромко.

– Для меня секс давно стал причиной ненависти к мужчинам. Они используют его, чтобы управлять женщиной, унижать ее, добиваться своего, дрессировать. Секс управляет миром и, кажется, что не было бы его, мир был бы чище...

– Или его не было бы вовсе... – замечает Вика, и я, думая о своей беременности, могу только согласиться.

– Да, пожалуй.

– Секс – не всегда так ужасно...

– Бесспорно, – хмыкаю и чувствую на себе пронзительный взгляд. Словно Никита может слышать наш разговор, словно тоже вспоминает... Да, секс не так уж и ужасно. Никита показал мне это в ту ночь, когда купил. И позже, когда, несмотря на запрет отца, пользовал, грубо имел в самых разных позах. Он умеет быть нежным, но наши сокоупления чаще всего были похожи на животные. Быстро, яростно, словно мы спешили. Словно пытались украсть время у судьбы.

И я бы никогда не продалась ему при первой встрече, но тогда выбора не было. Либо я иду с ним и получаю деньги, чтобы расплатиться с Марсело, который держал бордель, либо становлюсь уличной проституткой.

– А потом. Они оставили эту девочку в покое?

– Да, – киваю, стискивая зубы. – На некоторое время. Но потом нашелся другой покупатель на меня. И тоже сумма была невероятная. И снова шантаж. И я согласилась. А потом не смогла... Сбежала, когда увидела, что клиент увлекается БДСМ. Меня, разумеется, поймали, привели в бордель. И знаешь, кто пришел меня избивать?

– Нет... – неверующе выпучивает свои и без того огромные глаза Вика. – Та девка!?

– Да, – хмыкаю. – Я тогда не смогла сдержать эмоций, ведь я стала шлюхой окончательно именно из-за нее.

– Ты убила ее?

– Не знаю, но крови было много. А потом начались гонки с Марсело, владельцем борделя и онлайн аукциона. И я бы уже стояла на улице красных фонарей, если бы...

– Не Никита...

Вика умная.

Пугающе все понимающая. Но ей не ясно одно.

Сколько бы я не отдавала себя Никите за сумму, которую он за меня выплатил... Сколько бы раз я не брала в рот за то, что он убил Марсело, спасая меня, я никогда не смогу отдать ему этот долг.

Я всегда буду обязанной просто за то, что спустя много лет он не забыл меня настолько, что вывалил деньги за стриптизершу, которой я тогда работала.

Благодарна, что поверил в любовника миллионера и согласился заплатить сумму вдвое больше. Благодарна, что на утро после жаркой ночи он не отправился в Россию, а поехал и нашел меня.

И да, в его отношении больше похоти, мало благородства, но это все не имеет значения.

Потому что Никита спас меня.

Он спас меня от участи спать с мужчинами за деньги. Он подарил мне возможность иметь документы, друзей, работу, квартиру.

Он подарил мне жизнь. Он отец моего ребенка.

Никто и никогда не сможет сделать для меня больше.

– Вик, – привлекаю внимание, пока она смотрит в пустоту, словно задумавшись. – Ты права. Это прошлое. Думать об этом не стоило...

– Просто я надеялась на историю веселой путаны...

– Веселого было мало, конечно, – посмеиваюсь я и встаю.

Надо уходить. Не надо было вообще соглашаться ехать. Этот день должен уже закончиться.

Вика великодушно меня отпускает, и я, спустившись, уже надеваю пальто и выхожу на улицу, но торможу. Часто-часто дышу, стремительно принимая решение, и с лету возвращаюсь в бар.

Никита здесь. Он рядом и, возможно, я больше никогда не смогу сказать ему спасибо.

Я должна сказать человеческое спасибо. Еще хоть раз...

Глава 8. Алена

– Вы не могли бы передать молодому человеку за столиком в углу, – протягиваю записку официанту в фирменном фартуке ресторана. Я смогу понять, если он меня пошлет. Светловолосый парень смотрит на бумажку, потом на меня и застывает на мгновение. И только очнувшись, кивает.

Но я не даю ему уйти.

– У вас есть спокойное место, чтобы поговорить?

– Со мной? – поднимает брови парень, но я с улыбкой качаю головой.

– С тем, кому вы записку отнесете.

– Счастливчик, – вздыхает он и, посмотрев по сторонам, заводит меня в темное помещение. – Сейчас запара, сюда никто не войдет.

Он оставляет меня одну, и темноту разрезает только свет, который просачивается с улицы, что забита фонарями. И я словно перед прыжком замираю, совершенно не знаю, как себя вести, когда Никита сюда войдет.

А может он не войдет, а разозлится и сожжет записку с простым: «Спасибо, Никита».

Но вот не проходит и двух минут, как дверь в помещение для персонала открывается, и меня сразу опалает запахом виски.

Никита закрывает двери и стоит напротив в призывно мужской позе, засунув руки в карманы брюк.

Просто стоит и смотрит, ничего не предпринимая.

Но дышит так рвано, так часто, что создается впечатление, что сюда он бежал. Действительно хотел меня видеть? А может быть, он собрался рассказать, как хорошо ему живется с Надей? И все мои «спасибо» он видел в одном месте?

Словно в подтверждение пьяная фраза:

– Ну и что тебе надо? Депутатам не до простолюдинов. Я же давал тебе шанс...

Меня словно в грудь. С ноги. И боль острая застилает глаза слезами. Мне на это даже ответить нечего. Тем более, что спасибо я ему уже сказала.

Делаю шаг в сторону, больше видеть его пьяную рожу не могу.

И пусть мне хочется смотреть, как свет падает на острые черты его мужественного лица, как густые волосы отливают синевой в этой обстановке. Слушать дыхание и голос, которым он соблазнял меня в ночи.

Но все это в прошлом.

Кажется, он оскотинился и превратился в отца окончательно.

Прохожу мимо, вдыхая запахи древесного одеколона и виски, чувствуя магнетическую энергетику, с которой борюсь из последних сил. Уже хватаюсь за ручку, чтобы покинуть любовь всей моей жизни, как вдруг он резко меня разворачивает.

Обида внутри меня рвется наружу, и я замахваюсь, когда он с глухим ударом толкает меня к двери.

– Поверила? – стискивает он запястье и поднимает вверх, второе спустя секунду оказывается там же, пока я пытаюсь справиться с эмоциями и не устроить ему истерику. – Поверила в мои идиотские слова? Поверила, что я могу оставить тебя в покое? Поверила, что смогу без тебя?

Его голос все глуше, губы все ближе, а у меня перед глазами плывет, в ушах звон и горло пересыхает. Там словно пустыня в вечном ожидании дождя. И только Никита может его вызывать как шаман, бьющий в свой там-там.

Мне бы вырваться и бежать, а лучше попытаться ударить его за свои шутки, но тело пылает, и только его губы могут потушить этот пожар.

«Или сделать его настоящей катастрофой...», – шепчет внутренний голос, но я уже не слушаю. Меня манит блестящий взгляд, что как одержимый облизывает мое лицо. Губы, что уже приоткрыты и жаждут напомнить, что такое настоящий поцелуй.

Но я ведь понимаю, что стоит им меня коснуться, как обратного пути не будет. И случится, как тогда в туалете ресторана, когда на ужине объявили дату свадьбы Никиты.

До невозможности сладко, до опустошения порочно и неправильно.

Только воспоминания о том, какой дрянью я себя ощущала после быстрого совокупления, дает мне возможность затормозить процесс расщепления на молекулы, где каждая вопит: «Раздвинь ноги! Дай ощутить Никите, как у тебя там влажно!».

Отворачиваюсь ровно в тот момент, когда его губы приклеиваются к моему лицу. Но Никита не сдается, снова пытается ужалить губами, телом прижимается, вздохнуть не дает.

– Алена... Не своди с ума, дай губы... Дай себя...

– Ты обещал меня не беспокоить, помнишь? – выворачиваю запястья, но хватка Никиты не дает вырваться, и получается только вывернуться и оказаться к нему спиной.

– А я тебя и не беспокоил, – шепчет он мне в затылок, отпускает руки. Одну на шею, другую на грудь. – Ты сама меня вызвала. Так что обещание аннулируется.

– Значит, дай его снова, – задыхаюсь, чувствую, что его желание накрывает коконом и меня. Еще немного и в голове не останется и шанса на сопротивление.

– Я лучше тебе кое-что другое дам, – тянет он руку к моему животу, и я задерживаю дыхание. В таком состоянии я вряд ли смогу ему соврать, а талия у меня несколько расплылась. – Тем более тебе пора сжечь калории.

Мне становится смешно, а может на меня влияет присутствие Никиты, и счастье затмевает разум. Нисколько не изменившегося, готового меня раздеть при первой встрече.

– С женой сжигай, – отталкиваю я его руку от пояса джинс, которые он уже расстегнуть пытается.

В этот момент он просто прижимает меня к себе, так что я чувствую всю силу его желания, горячее дыхание и слышу глухое:

– Выходи за меня... Будем сжигать вместе, каждую ночь.

– Совсем крыша поехала, ты женат, – разворачиваюсь и вижу, что его совсем развезло. Даже странно, что он на ногах держится.

– Я разведусь, скоро... Алена, – снова дергает он ремень моих брюк и, сдавшись, просто прижимается лбом ко лбу. – Я так устал, а ты не хочешь помочь мне расслабиться.

– А жена тебе на что?

– Да что ты заладила?! Жена, жена. Не сплю я с ней.

Я застываю, вспоминая, сколько тяжелых минут провела за мыслями о сексе Никиты с его женой. А он не спит? И я бы могла подумать, что он врет, но ведь он в зюю...

– Тогда разведись с ней, – прошу я, понимая, что ступаю на очень скользкую дорожку.

– Не могу пока. Скоро выборы в думу. Ален, но это все фигня такая. Давай мы сейчас поедem к тебе, – все еще дергает он молнию на моих джинсах и выругивается. – Ненавижу джинсы. Почему ты юбок не носишь? Алена, тебе меня не жалко?

«Жалко», – осознаю я, но облегчать ему жизнь я тоже не собираюсь.

– Как твоя мама?

– Издеваешься? – еле поднимает он тяжелую голову. – Я тебя прошу помочь мне, а ты о матери...

– Я волнуюсь за нее...

– За меня бы лучше волновалась, она там под защитой английского правительства. И вообще! Я знаю, что ты меня хочешь. Снимай штаны, надоела строить невинность! – ревет он и снова тянется к губам, а я обхватываю его лицо ладонями. Чмокаю в нос и, пока он как идиот улыбается, тяну руку к ручке. Тут же ее нажимаю и выбегаю за дверь, хлопая ею.

Слышу глухой удар о полотно и усмехаюсь, пока он что-то бормочет.

– Не любишь ты меня совсем...

Я ловлю того же самого официанта и прошу передать новую записку, но уже Камиллю, который сидит на том же месте.

И только убедившись, что тот забрал друга из подсобки, с чистой совестью отправляюсь домой. И вряд ли осознаю, что улыбаюсь всю дорогу.

Глава 9. Алена

*** Две недели спустя ****

2 недели спустя

– Алэн, там снова этот голландец звонит. Возьмешь трубку? – протягивает телефон Оля, которая сегодня со мной на смене.

Но я оформляю французов и отмахиваюсь. За последние две недели после его отъезда он звонил постоянно.

При этом Никита не позвонил ни разу. Хотя я была уверена, что после того случая в подсобке ресторана он начнет названивать ежедневно.

И я, конечно, буду отклонять вызовы. Тем самым вынудив его приехать.

Но ожидания не оправдались, а мечты стали пылью, как только я увидела выпуск новостей, где показали, как он с женой присутствовал на благотворительном концерте. Потом посетил открытие больницы. Потом выступил на дебатах.

Жизнь бьет ключом, а меня задевает обжигающими брызгами.

Но я не плачу. Нет, нет. Я тоже вполне счастлива. Новая работа физически не столь утомительна, но зато гораздо ответственнее и интереснее.

А Вика от меня не отлипает. Даже записалась со мной на танцы, хотя пока это выглядит забавно.

– Может, стоит ответить? – все еще стоит над душой Ольга, и я со вздохом беру трубку и говорю на чистом голландском.

– Вы меня с кем-то спутали.

Настойчивый какой... Даже странно, учитывая, как груба я была в последнюю встречу. Он нашел меня на ресепшене и предложил уехать с ним.

Вот так просто. У мужчин, я смотрю, с заведением любовниц вообще проблем нет.

Теперь он названивает в отель, на ломаном английском зовет к телефону Алэну, но все равно коверкает мое имя до ненавистой Лины. Как и многие вне России.

Но теперь я здесь и пусть он меня забудет.

– Ты так легко парней отвергаешь, – грустит Ольга и поправляет свои очки. – Вон и Диме в свидании отказала. И голландца этого отшила.

Да, еще друзей Никиты. Камиля с Артуром. И самого Никиту.

– Мужчины в жизни не главное.

– А что главное? Разве не делает девушка все, чтобы нравиться парням. Хотя с твоей внешностью и делать ничего не надо, – хмурится она и тут же делает вид, что работает, потому что в холле появляется Вика.

Трезвая и раздраженная.

А я сразу думаю, что далеко не каждая красивая женщина счастлива. Вика тому яркий пример.

– Заканчивай, – сразу говорит она мне, на что я удивленно вскидываю брови.

– У меня смена до девяти.

– Считаю, что ты получила задание. Оля тебя заменит. Давай быстрее, я есть хочу! – бесится она, и я, пожимая плечами, беру телефон, на который периодически звонит только Вася, и шагаю за Викой. Смотрю, как развевается ее плащ, и накидываю свое пальто.

– У меня после вчерашней тренировки все болит, – жалуется она, когда мы выходим из отеля и вливаемся в неспешное движение пешеходов.

– Это же хорошо...

– Что хорошего в боли? – рывкает она.

– Боль тоже разная бывает, – смеюсь с нее. Мышечную не сравнить с душевной. А душевную не сравнить с тем, когда тебя стегут кнутом за очередной побег. Все ведь в сравнении познается.

– Ой, только не рассказывай мне про свою тяжелую судьбу...

– Да я и не собиралась, – даже как-то обидно. За эти две недели мы ни разу об этом не заговорили.

– Да... просто, – делает Вика шаг вперед и встает передо мной, тормозя нас. – Ты хоть представляешь, как тебе повезло. Любую другую могли посадить на наркотики, изнасиловать, отдать садисту, убить в конце концов. А ты здесь. Красива. Жива.

– Конечно, мне повезло, – улыбаюсь и, взяв ее за руку, веду по пути в ее любимый ресторан. Она там заказывает салат «цезарь» и говорит, что нигде вкуснее она не пробовала. Ей присуще поиск лучшего.

– И Никита здесь ни причем.

– Ну как это, – хмыкаю, когда мы садимся за стол. – Благодаря ему я выживала. Он был алыми парусами.

– Ты просто нашла себе, ради чего бороться. Не было бы Никиты, нашла бы что-то другое.

– Не знаю... – как-то не думала об этом.

– Я долго размышляла, – говорит она и заказывает привычное меню. Потом я заказываю сок и пасту с морепродуктами. Запах специфический, но мне нравится. Последнее время мои вкусы стали меняться. Вот бы и чувства к женатому мужчине так просто поменялись. Раз и нет их. Раз и нет Никиты в голове. – Тебе надо написать книгу.

За мыслями сначала не понимаю, о чем речь. Потом поворачиваюсь к Вике и вижу, что она совершенно серьезна.

– Какую книгу? – все же уточняю я.

– Про себя. Историю...

В груди растет ком обиды. Я с ней посекретничала, а она предлагает сделать это со всем миром?

– Сними трусы, – предлагаю я резко и встаю. – И покажи всем.

Она хватает меня за руку, садит обратно и всовывает только что принесенный стакан с вишневым соком.

– Я думала... Ставила себя на твое место.

– Совсем дура?

– Ты говори-говори, да не заговаривайся, – обижается она. – Выслушай сначала. Ты совершенно не смотришь на мир адекватно, меряя все только своим прошлым. Ты все время боишься, что кто-то тебя раскроет. Узнает грязные подробности. Чувствуешь вину перед Никитой и считаешь себя обязанной ему. Но, может быть, найти возможность избавиться от страхов?

– Показав свое нижнее белье? – чувствую, как меня потряхивает. Это же надо вспоминать, заново визуализировать всю грязь, которую приходилось с себя соскребать, чтобы идти дальше, а не сдохнуть от презрения к себе.

– Знаешь, как лучше всего победить противника? – задает вопрос Вика, все еще держа меня за руку. Но уже не грубо, а нежнее, поглаживая.

– Напасть первой.

– Вот именно! Напиши все, как было! Чтобы ни одна Надя не смогла больше выставить твоё белье на всеобщее обозрение без твоего ведома, чтобы ни один Роберто не смог тебя унижить, чтобы ты никогда не оглядывалась, если слышишь иностранную речь. Ты же запуганная как заяц, а я предлагаю стать львицей.

Она отпускает мою руку и осушает свой бокал. Я уже не помню, что ей принесли. Все мысли затмили картины из прошлого, которые Вика предлагает изложить в виде текста на

бумагу. И показать всем. Рассказать все, как было. В этом есть смысл. Есть шанс, что никто никогда больше не сможет назвать меня шлюхой. Но с другой стороны, тогда и Никита узнает, что ребенок от него.

– Не могу.

– Да ты не отвечай сейчас. Это можно сделать через несколько лет. Просто это отличный способ побороть страх и начать жить заново.

– Мне нравится моя жизнь. Лучше и быть не может.

– Внешнее благополучие не всегда говорит о гармонии внутри. Вспомни Самсоновых. Пятнадцать лет замечательного брака. Трое детей. А в итоге расставание. Почему?

– Ты меня спрашиваешь?

– Мне же интересно. Не зря же Мелиссу можно было застать за бокалом шардоне.

– Ты вообще глушишь вино каждый день.

– А я и не утверждаю, что счастлива, – пожимает она тонкими плечами и откидывает волосы назад, а потом вдруг напрягается всем телом. Поджимает губы и смотрит мне за спину.

– Что? – по телу расплзается дрожь страха.

– Я привела ее в твой отель, чтобы ты следила за ней, а не ужинала как с подружкой! – шипит над головой знакомый голос и, повернувшись, я в ужасе наблюдаю, как по идеальному лицу Нади расплываются пятна гнева.

Глава 10. Алена

– Ну и что ты молчишь, – продолжает шипеть Надя, а меня потряхивать начинает. И даже не из-за жены Никиты, что буквально брызжет ядом и портит свое лицо. Вика. Это, получается, она специально со мной нянчилась? И почему в таком случае я не ощутила тревогу? Неужели моя интуиция, что спасала всю жизнь, стала давать сбои.

– А что я должна сказать? – хмыкает Вика, и я не выдерживаю. Встаю, собираюсь покинуть праздник тщеславия, но она меня хватает и садит обратно. – Я никому ничего не должна. И обедаю я с тем, с кем хочу. У тебя уже есть одна подружка на побегушках, зачем тебе я?

И только сейчас замечаю еще одну девушку, пару Артура, которая стоит и мнет за Надей. Невзрачная, обыкновенная, по сравнению с Надей просто дурнушка.

– Променяла меня на проститутку? – наклоняется Надя к Вике и смотрит в глаза. – Я думала мы подружки!

– Мне кажется, ты никогда не знала значения этого слова. Иди, пока кто-то тебя не сфотографировал. Если, конечно, ты не хочешь устроить себе пиар как истеричке. Могу помочь, – хочет подняться она, но Надя делает шаг назад и резко поворачивает ко мне голову. – Ты пожалеешь, дрянь! Пошли, Диана. В этом заведении стало плохо пахнуть.

Диана словно магнитом приковывает взгляд к Вике, не хочет уходить, но Надя кричит на выходе.

– Я долго буду ждать?

– Иди, Диан, – мажет рукой Вика с легкой улыбкой. – Проследи лучше, чтобы она дел не натворила.

Брюнетка кивает и, бросив на меня непонятный взгляд, бежит за подружкой. Ощущение такое, что все это время кто-то грудь стягивал. А теперь отпустил, и я могу вздохнуть спокойно. А Вика просто отпускает меня и выпивает до дна свой бокал.

– Дебилка. Какая первая леди. Ей только на рынке торговать.

– Вика, – не могу сказать больше. Она же поднимает взгляд, лопает во рту помидорку черри и говорит.

– Да расслабься ты. Что она может сделать. За тобой Черкашины. И я, если уж дело на то пошло.

– Ты?

– Да, боже. Ну ляпнула я, что ты пришла к нам работать. Ну попросила она меня сказать, если замечу тебя с Никитосом, сразу позвонить ей. И прежде чем обижаться, подумай, что я ни словом ей не обмолвилась, как ты обжималась с ним в подсобке ресторана.

– Ты знала?

– Ну так... Мы с Камилем потом этого придурка домой приволокли. А он всю дорогу: «Дай губы, дай губы». Ясно, что ты не сразу ушла.

Стыдно становится неимоверно. Особенно, зная, как сама Вика относится к изменам.

– Ничего не было... – оправдываюсь я и снова смачиваю горло соком. – То есть...

– Да не объясняй, – отмахивается она, а меня вина гложет. И я для себя решаю, что больше не подпущу Никиту, пока он не разведется. Если разведется. – Я, конечно, волнуюсь за Надю, но она прекрасно знала, что выходит замуж за чужого мужика. Ей мама в голову втемяшила, что Самсоновы это путь наверх. Хотя, честно сказать, не понимаю, куда выше.

– Они верят, что Никита может стать президентом? – с трепетом интересуюсь я, ощущая, как внутри разбивается стеклянный шарик надежды, а я босыми ногами по осколкам хожу. Хуже себе делаю. Если он продолжит путь наверх, но рядом с ним мне не будет места. Сколько бы книг о правде я не написала.

– Верят, – кивает Вика. – У него есть все шансы. За ним идут, да и поддержка мощная.

– Он слишком благородный для этого.

– Точно, – хохочет Вика. – Было очень благородно шантажировать тебя, чтобы регулярно иметь. Ты там у него в штанах нимб не обнаружила? Алтарь его причиндалам еще не возвела. Seriously веришь, что он разведется?

– Считаешь меня дурой?

– Да, – честно так, без прикрас. – Но мы все дуры, когда любим. Так что тебе прости-тельно. Просто ты должна понимать, что для Никиты нет обратного пути. Забравшись высоко, он не захочет падать, если его насильно не спихнут. А там столько народу повязано между собой, столько серых кардиналов, что популярность Никиты будет расти в геометрической прогрессии. Им нужна обезьянка, и он ей станет. Забудь о нем, живи для себя.

– Я так и делаю, – убеждаю саму себя, пока горло стягивает удавкой. Верила. Да, я до последнего верила, что он разведётся. – Я живу.

– Ты живешь им. И да, я буду рядом, чтобы ты не наделала глупостей, а главное не натравила на себя Надю. И ты можешь мне говорить, сколько угодно, что ее не боишься. Но твою жизнь она может превратить в ад.

Сразу руки тянутся к животу. Но я останавливаю себя. Не стоит Вике знать.

– Я должна быть тебе благодарна?

– Нет, пока, собственно, не за что. И пошли, у нас завтра в отеле международная конференция инвестиционных компаний. Рано вставать. – говорит она, отодвигая тарелку, и поднимает руку. – Счет, пожалуйста!

Она села со мной в такси и болтала всю дорогу о завтрашнем дне, но я обдумывала совсем другие ее слова. Про Никиту и то, что мне нужно держаться от него подальше. Может быть, поэтому в телефоне, что принес мне однажды курьер, я отправила его в черный список. Зачем приняла его подарок обратно, непонятно. Но теперь надо принимать тот факт, что надежды на отношения с ним нет. Он не разведется, а я быть проституткой больше не хочу. Лучше совсем без мужчин. Так даже проще. Проще одной, главное, научиться не думать про Никиту. Действительно перестать ждать встречу с ним на улице, или трепетать каждый раз, когда поднимаюсь домой, ведь он знает адрес. Не надеяться услышать его голос. Не подвергаться соблазну снова сказать «спасибо».

Хотя на следующее утро у меня было желание позвонить ему самой и потребовать уgomинить свою жену, потому что она, используя свои связи, решила, что в этом отеле я работатьне достойна.

– Нет, нет, Алэн, никаких увольнений, – успокаивает меня Марат Каримович, только что сообщив, что здесь я работать больше не могу. – Просто я бы хотел предложить тебе перевод. У нас же несколько филиалов. Должность я за тобой сохраняю.

– Спасибо, – еле сдерживаю слезы. Мне нравилось здесь работать. Даже Вика стала нравиться. И Оля. И даже вечно флиртующий Дима. И занятия танцами по пути. И станции метро красивые. Мне стала нравиться стабильность, а получается, придется начинать все сначала.

Может тогда совсем уехать. В конце концов, скоро живот будет входить в дверь первым, и придется постоянно врать.

– У вас филиал в Питере есть. Я могу туда переехать?

Марат широко улыбается, похоже эта идея пришлась ему по душе еще больше.

– У нас там есть загородная резиденция! Есть комнаты для персонала. Свежий воздух. В твоём положении тебе там будет очень удобно.

– В каком положении? – напрягаюсь я, невольно поправляю блузку. Да, небольшой животик виден, но не настолько же.

– Ты разве не беременна?

Глава 11. Алена

– Я ошибся? – спрашивает Марат, и я начинаю смеяться. Немного искусственно, но лучше так, чем он будет знать точно.

– Вот так... Стоит девушке немного поправиться, как ее принимают за беременную.

Марат извиняется, но вспоминает причину нашей встречи, и мы договариваемся про мой переезд в Петербург. И только выйдя из его кабинета, осмотревшись, я могу снять веселую маску с лица и закрыть его руками.

Ну что же ты, Алена?

Все хорошо. Никто ничего не пытается в тебя запихнуть!

Никто не пытается тебя избить! Никто не пытается тебя оскорбить!

«Это просто перевод в другой город! – кричу я мысленно себе. – В такую же цивилизацию, как здесь...К таким же людям.»

Да и от Никиты, чем дальше, тем лучше. Все, вашу мать, к лучшему, так чего же ты реवेशь! Сколько можно реветь!

Именно это говорит мне Вася, которой я по телефону обрисовываю ситуацию. Она даже уверяет меня, что так будет лучше.

И пока ребенок не родится, лучше семье Самсоновых меня не видеть.

И снова натянутая улыбка. Потом прощание с коллегами. Но нет той, с кем мне бы действительно хотелось попрощаться. Она бежит в запаре с этой конференцией.

Но, кажется, находит минутку. Потому что врывается, когда мы последний раз с ребятами делаем селфи на память.

– Это что еще такое? Вышли все! – орет она и никому не надо повторять дважды. Даже мне... – Алена, ты куда?

– Ты же сказала...

– Да, сядь ты уже... Питер? Seriously? Ты думаешь, спрячешься и все станет хорошо. Не станет! Знаешь, как часто Никита в Питер летает. Да при вашем везении на друг друга вы все равно увидите.

– Вик, успокойся. Я все решила. Да и Вася...

– Да уж, звонила я этой белобрысой... «Так будет лучше», – пародирует она голос Васи, а мне смешно с нее становится.

– Ты так-то тоже блондинка. И так действительно будет лучше...

– Да, знаю я! – рявкает она и отбирает коробку с моими мелочами. – Это фигня, тебе не надо никуда ехать.

– Вик, Питер в трех часах езды. Захочешь увидеться, приедешь.

– Да не хочу я никуда ехать! И ты не хочешь. Верно? – орет она и даже встряхивает меня, когда я со стула поднимаюсь, а у меня снова дебильные слезы. Ну хватит. Хватит уже на большое давить!

– Вик, ты просто не все знаешь...

– А я ничего и знать не хочу. Ты остаешься...

– Вот еще, – снова беру коробку и отхожу в сторону. – Приблизись, и начнется женский «мортал кобмат» и поверь мне, больно будет не мне.

До Вики все-таки доходит, что я не шучу. И я иду мимо нее, а потом поддавшись неясному порыву, целую накрашенную тонной косметики щеку. Мелисса, несмотря ни на что, была чужая. Вася, какой бы классной не была, уже взрослая. А Вика... Вика могла бы стать действительно близкой подругой. Очень жаль, что Надя этого не ценит.

– Приезжай, Вик. Ладно?

– Ты никуда не уедешь, я уже сказала, – говорит она довольно грубо. – Ты назовешься меня эгоистичной тварью, но я не хочу снова каждый вечер думать о бритве, что у меня в ванной на видном месте.

Я ее не понимаю, но она не собирается мне ничего объяснять, потом мажет рукой в воздухе.

– Ну что ты встала. Иди. Посмотрим, как далеко ты уйдешь.

Я выхожу из кабинета для персонала, неловко улыбаюсь Оле с Димой и иду прямо по коридору, держа в руках коробку и пытаюсь снова не зареветь.

Спускаюсь на лифте в холл, еще раз прощаюсь с девочками на ресепшене, которые в такой запаре, что просто мне кивают. И только осмотрев еще раз в синих и серых тонах холл нашего отеля, множество иностранцев, иду на выход. Улыбаюсь нашему метрдотелю дяде Мише.

Черт возьми, даже по этому старичку я буду скучать.

Он любит истории про своих внуков рассказывать, а я каждый раз радуюсь, что есть счастливые дети. Не богатые, не бедные. Просто по-настоящему счастливые дети.

И мой малыш таким будет. Не в грязи расти, и не в золоте купаться, а просто наслаждаться солнышком, просто жить. Играть на детской площадке, драться с мальчишками, влюбляться в девчонок. И почему я думаю про мальчика?

А если ему больно будет, я рядом посижу. К себе прижму и скажу, как сильно люблю его. Так же сильно, как любила его папу.

– Ну, Вика! – шиплю себе под нос, замечая свистящий тормозами у входа знакомый Вольво.

Эти номера ноль-ноль-девять мне порой во сне снятся. А уж хозяин так и вообще появляется там с завидной регулярностью.

Никита паркуется, я делаю резкий шаг в сторону. Может, он меня и не заметит?

– Алена! – как выстрел, ей Богу.

– Привет, – поворачиваюсь я и хмурюсь, когда он осматривает коробку с мелочами, потом поднимает голову, и меня как током.

Ну серьезно, ну почему у него такие глаза. Убийцы здравомыслия. А лицо? Как вообще с таким отцом он мог родиться привлекательным?

– Я живу в Москве, – цедит он сквозь зубы.

– Рада за тебя, – говорю медленно, осторожно, совершенно не предполагая, что он выкинет дальше. А он коробку у меня под недовольный возглас забирает.

– Значит, и ты тоже будешь жить в Москве. Сама в отель вернешься? Или понести?

Глава 12. Алена

Здесь. На этом месте, пока осеннее солнце еще греет кожу лица, а ветер мотыляет мою косу, смотрю Никите прямо в глаза. Смотрю и размышляю. Мне нужно решить, а чего, собственно, я действительно хочу.

Хочу ли врезать Никите между ног?

Определенно.

Хочу ли уезжать в Питер?

Нет. Нет, не хочу.

И самое важно, что я устала потакать другим в их желаниях. Пожалуй, пришло время делать то, что мне нравится. Например, работать в этом отеле. Ездить на танцы. Гулять по вечерам с Викой. Во время своих выходных общаться с Черкашинами.

Так что, если Никита может мне помочь здесь остаться, не менять уже привычный уклад жизни, и будет держать свою супругу на привязи, большего мне и не надо.

Разве что... Оглядываюсь по сторонам и делаю резкий замах ногой.

– За что? – тут же хрипит Никита, согнувшись в три погибели, почти роняет коробку, и я ее перехватываю. А затем говорю то, что приходит на ум.

– За то, что не звонил

Вот так. Правда, она даже для себя болезненная. Так что пусть теперь с ней живет.

Возвращаюсь с коробкой в отель, снова окунаюсь в гущу людей и чувствую затылком прожигающий взгляд. Подхожу к лифту и чувствую легкое прикосновение к растрепанной ветром косе.

Никита тянет ее, делая мне больно, но создавая внутри почти бурю из эмоций, и желание попросить сделать, как он делал на своей кровати, когда наматывал волосы на кулак.

– Это временно... – хрипит он уха, а меня дрожь пробирает. Я пальцы на коробке сильнее стискиваю, чтобы не кинуть ее и не обнять любимого. Но его брак, как закрытая дверь. Мне хочется ее открыть, но ключ мне может дать только сам Никита. А взламывать чужую собственность всегда чревато.

– Посмотрим, – захожу в лифт, и он за мной. И мы стоим рядом, задыхаясь и смотря друг другу в глаза, фантазируя о том, чем можно заняться в закрытом лифте. Так бурно, что я не замечаю лица иностранца в светлом костюме, что хочет поехать с нами. Никита и вовсе рывкает

– Занято!

И тесное пространство тут же обволакивает. Давит на сердце. Причиняет почти физическую боль, а руки Никиты дрожат и уже тянутся к талии.

– Ноги у меня все еще свободны... – все-таки напоминаю я и тут же выхожу из кабины на административном этаже, где сразу иду к кабинету Марата Каримович. Но по дороге узнаю: – Мы же к директору?

– Конечно, – идет Никита сзади, и я кожей чувствую, как он жалит взглядом задницу. Опередив на последней секунде, он сам открывает мне двери. Марат поднимается, смотрит на меня, потом на Никиту и жмет ему руку.

– Самсоновы последние два дня зачистили ко мне, – смеется он и садится за свой стол. Никита напротив, а я так и стою, не зная, куда себя деть. Они ведь и без меня поговорить могут?

– Ты, наверное, неправильно понял Надю, – сразу вступает в разговор Никита и поворачивает ко мне лицо: – Сядь.

Присаживаюсь на диванчик и жду решение с олимпа. Плохо, конечно, быть зависимой от таких людей и их желаний. Но я правда хочу здесь остаться.

– Думаешь, начал жаловаться на слух и прослушал угрозу тобой?

– Даже так? – смеется Никита и мне на душе сразу хорошо становится. Как же мне нравится слышать его смех. Громкий. Задористый. Он патокой по моим венам разливается. Именно этот смех пленил меня несколько месяцев назад, помимо всего прочего. Но стоит Никите заметить мою невольную улыбку, как она тут же прячется за нечитаемой маской. – Ну можешь не беспокоиться. Твой отель будет стоять на твоей незаконной земле, сколько угодно. Ты с Максом давно общался? Они совсем пропали с радаров.

– Не хотят вмешиваться в политику, – пожимает плечами Марат, а мне становится интересно, что еще за Макс. И почему, общаясь с Никитой, он не имеет отношения к политике. Особенно интересно, как сгорбилась спина Никиты при упоминании этого человека.

– К тебе его негатив не относится. Это все твой отец...

– Да ясное дело, – Никита снова кидает на меня взгляд. – Алену верни на прежнее место и ни о каком Питере не может быть и речи.

– Но я был уверен, что Алена сама хочет...

– Женщины так не постоянны. Но давай мы спросим у нее.

– А давай ты не будешь говорить обо мне как об отсталом в развитии ребенке. Спасибо, Марат. Я вернусь к работе прямо сейчас.

– Да уж. Там эти иностранцы, как с ума посходили. Ты не будешь выступать на конференции? – спрашивает он Никиту, но тот отмахивается.

– Нет. С финансами у меня беда. Я все время вкладываю не в то, – смотрит он на меня. Сволочь.

Наклоняю голову на бок, взглядом опаяя его наглость.

Он наверняка вспоминает сумму, которую он на меня потратил в Амстердаме. Я на утро все вернула, когда выяснила, что за русский передо мной. Когда узнала в незнакомце того, кого так долго любила. Никита тогда собрал раскиданные в порыве безумия и стыда деньги и поехал меня искать.

И спасибо ему за это, но он все равно потратил не такие астрономические деньги, как Роберто.

И именно на этой мысли открывается дверь, в проем которой залетает собственной персоной тот самый Роберто.

– Срочно уволить! Я забирать Лину с собой! – кричит на ломаном русском голландец, а я перевожу испуганный взгляд на Никиту. Но больше меня интересует то, как меня назвали. Последнее, чего я хочу, чтобы Марат Каримович узнал хоть что-то о моем прошлом.

– Какая Лина? – не понимает Марат, но Никита резко загораживает меня, и Роберто неловко смеется, хотя я почти слышу рычание.

– Это мы так тебя разыграть решили...

– А в чем был розыгрыш? – интересуется начальник, пока Никита уже буквально выталкивает Роберто, а я, нервно смеясь, закрываю за нами двери. Пару секунд наблюдаю за открытым ртом Марата. Но лучше пусть думает, что мы идиоты, чем знает правду.

Никита толкает Роберто к стене и говорит с ним по-английски. Довольно неясно, ибо его нервы уже на пределе.

– Кто ты, бля, такой и что тебе нужно...

– Я приехал за Линой... – отвечает тот.

– Ах, за Линой, – дергает Никита бледного голландца и бьет его затылком о стену. Жестко так.

– Лина мертва. И тебе это надо уяснить. Иначе твое хилое тело тоже внезапно пропадет...

Роберто начинает потеть, скашивает на меня взгляд. А я что? А я все еще с коробкой. И произношу по-голландски.

– Я больше не проститутка. Вам лучше уехать.

Голландец поджигает губы, отталкивает Никиту и оправляет свой светлый пиджак... Где-то я видела этот оттенок.

– Пусть эта русская обезьяна говорит, что хочет, но завтра я вернусь.

– Зачем? – почти открываю рот от шока. Да что ж меня одни бараны окружают?

– Хватит болтать! – орет Никита, и тут дверь открывается, и выглядывает Марат, а я начинаю чувствовать себя актрисой второсортной комедии.

Роберто уходит, бросая недовольный взгляд на Никиту, и смачно выругиваясь. Марат дергает одной бровью в удивлении, а Никита забирает у меня коробку и почти спокойно спрашивает:

– Где твой кабинет?

Я иду его показывать, всю дорогу думая, зачем Роберто снова со мной встречаться. Ему ясно дали понять, что я больше не продаюсь, да и его перемещения Никита явно будет фиксировать.

Он, конечно, богатый, но у него нет защиты от Самсоновых, которые, похоже, считают себя чуть ли не королями жизни.

Все за всех решать – это в их стиле.

Стоит закрыть дверь моего кабинета, Никита тут же повторяет приём «Роберто». Только если затылок того был вбит в стену. Мой удар смягчила крупная ладонь.

Но губы не нежные. Наоборот, кажется, что он меня наказывает, снова и снова жаля языком. Снова и снова кусая губы, пока его руки уже начинают жить своей жизнью, буквально пытаюсь содрать с меня кожу. Я же отвечаю, руками его плечи сжимаю, в рот хнычу. Пытаюсь найти в себе хоть каплю сил отказать. Но как же мне этого не хватает. Силы, грубой, порой непозволительно пошлой. Тела, наглого напора. И просто возможности не думать. Просто задыхаться и ощущать каждой клеточкой любимого мужчину.

– Никита, – давай же думай, Алена. У тебя мало времени, потому что его ушлые пальцы уже дергают пуговицу джинс, а твои груди и того прочего оголены, чтобы он совершал порочное волшебство с их вершинами. – Никита, ты только что вернул... Вернул мне работу, чтобы меня уволили?

Давлю в себе похоть и стискиваю ноги, между которыми потоп.

Оправляю футболку, пока Никита проводит трясущейся рукой по влажным волосам, часто дыша.

– Что еще сказал этот урод? – требует он ответа.

– Назвал тебя русской обезьяной...

– Какого хрена он приперся!? Откуда вообще знает, что ты здесь?! Может, ты ему сама позвонила? Пожаловаться на нелегкие трудовые будни?

– Что за бред?! Зачем я буду звонить тому, кто напомнил мне о прошлом.

– Тогда какого хрена, Алена!?

– Я не знаю! Не знаю! Он появился неделю назад, сейчас снова здесь, что ты от меня хочешь? Как я могла это предвидеть?

– Я хочу, чтобы, как только он снова появится, ты звонила мне, – требует Никита, впиваясь взглядом до того сильно, как пальцами в плечи.

– А может сразу твоей жене? – охлаждаю его пыл, и он действительно перестает прижиматься...

– Тебе нравится меня изводить? Что ты о ней вечно вспоминаешь? Это часть жизни никак тебя не касается.

Просто отлично.

– В таком случае моя жизнь не касается тебя! Не следи за мной! Не названивай! Забудь обо мне!

– А кто мне записку написал? – язвит, скотина. – Если бы ты не хотела меня, ты бы уехала в другой город. Но ты осталась здесь... Так что не проси меня о невозможном, потому что каждую секунду каждого дня я борюсь с желанием отправиться к тебе и поиметь, чтобы ты прекратила строить из себя недотрогу!

– У меня нет квартир нигде кроме этого города. Так что не надо мне приписывать лишнего...и не надо связывать похоть, которую ты умело вызываешь, и здравый смысл. Я нахлебалась дерьма и больше жрать его не намерена! Я не буду твоей любовницей!

Никита еще что-то хочет сказать, но дверь с треском открывается. И ровно так, чтобы ударить Никиту.

В кабинет влетает Вика и сразу бросается ко мне.

– Ну что, помог этот охламон?

– Этого охламона пытаются сегодня убить. Ты знала про голландца?

– Все, спасибо, помог, вали, – сразу говорит Вика, загораживая меня, упирая руки в бока и смотря на Никиту, потирающего ушибиленное на голове место.

Он переводит взгляд, и я усилием воли абстрагируюсь ото всех болезненно сладких чувств, что меня обуревают рядом с ним, и повторяю слова Вики.

– Спасибо, что помог. Уходи. Пока тебе еще что-нибудь не отбили.

Он кивает, хотя в глазах пляшут черти, и напоминает:

– Звони сразу, если он будет тебя донимать. Не бери на себя ответственность за жизнь человека.

Вика закрывает за ним дверь и выдыхает:

– Ну и урод...

– Ты поэтому ему позвонила?

– Тебе не вызвать во мне совесть. Я всегда адекватно оцениваю свои поступки. И тебе пора поступать так же...

– О чем ты? – невольно теряюсь...

– О твоём размазанном по всему лицу блеске для губ... Пора отпустить Никиту.

Как бы мне этого хотелось. Но сложность в том, что мысли о Никите не покидали меня с самого детства, потом он открыл для меня радости секса, а его мне сейчас очень не хватает. Это, не говоря о том, что я жду от него ребенка...

– Алена...

– Если ты не будешь его вызывать каждый раз, когда что-то случается, то, возможно, у меня получится, – пожимаю я плечами и иду вытираться влажными салфетками. А потом поворачиваюсь к этой фурии и напоминаю: – У нас там конференция. Может, пойдем поработаем?

И именно это помогает мне не думать о Никите. Настолько, что, когда он появляется у меня тем же вечером в подъезде, я снова бью его между ног. Чисто на инстинктах... А что еще мне было делать, когда какой-то хрен хватается меня в темноте.

– Ты меня убить решила? – шипит он, и я свечу телефоном, но не на Никиту, а на разбитую лампочку.

– А ты, судя по всему, меня изнасиловать? – смеюсь и хочу мимо пройти, уже даже ключи в дверь вставляю, а затем слышу стон.

Меня пронзает чувство вины. Незаслуженное, но такое острое, что я поворачиваюсь посмотреть на Никиту. Он уже на коленях и держит руки в паху, часто-часто дыша.

Неужели так больно?

– Никита?

– Заткнись, пока не обматерил. И не звонил я, потому что не смог бы держаться на расстоянии.

Ну здесь я могу поверить. А вот могу ли поверить в его боль, такую, что он даже разогнуться не может? Не знаю.

– Лед принести? – спрашиваю, протяжно вздыхая.

– Если не жалко, – стонет он, и я захожу внутрь, оставляя дверь открытой. А когда иду к холодильнику, наблюдаю за тем, как Никита появляется в квартире. Сначала голова, затем все остальное.

Да, Боже мой, неужели отвалился?

Достаю лед и несую к дивану, где и расположился Никита, все еще постанывая и держась за причинное место.

– Может, врача вызвать?

– Мне кажется, там кровь идет, – выдыхает он, а меня страх берет. Я опускаюсь на колени, привычными движениями расстегиваю ремень на брюках, молнию. И страшась, что сделала любимого кастратом, стягиваю чистое белье. Но стоит мне увидеть вполне себе здоровый возбужденный орган, меня гнев охватывает. Я поднимаю голову и натыкаюсь на ухмылку.

Скотина!

Хочу в сторону рвануть, но Никита оказывается быстрее, и я с визгом лечу на диван. И только собираюсь подняться, как он оказывается сверху.

– Лжец! Придурок! Урод! Слезь с меня!

– Алена, – уже бесится Никита. Понимает, что не шучу. – Надо просто подождать. Я разведусь...

И этот дебильный глагол у меня уже в печенках сидит. Я подрываюсь, встаю, открываю дверь и ору:

– Так разведись! Разведись, Никита! И без свидетельства о разводе не приближайся, иначе я уеду! Или лучше другого мужика найду! Свободного!

Он словно язык проглатывает. А я только сейчас понимаю, что так и стою голая. Никита усилием воли поднимает голову от моей груди.

– Я разведусь. Но и держаться подальше не буду... А знаешь, почему, моя девочка? Потому что ты сама этого не хочешь. Знаешь, почему я женился? Потому что тебе сейчас на хрен не нужно внимание. Потому что ты не готова стать женой политика. Каждый раз оглядываться на прошлое. Я думаю о тебе. Хочу, чтобы ты жить нормально начала, никому ничем не обязанная. Но это не значит, что я про тебя забыл, Алена. Ты в мозгах так глубоко, – бьет он себя по голове, – что можно только лоботомией избавиться. Но я не хочу избавляться. И ты этого не хочешь. Поэтому живи пока, но даже не думай о ком-то другом. Удавлю любого, потому что моя ты. Моя!

Застегнув ширинку, он кидает на мое тело последний взгляд и уходит, а я прикладываю руки к животу и пытаюсь осознать сказанное. Но, кажется, проще просто не думать и лечь спать. Но перед этим обязательно в блокнотике день красным отметить.

Первый толчок малыша.

Глава 13. Никита

Выхожу из подъезда любимой и вместо того, чтобы сразу к своей иномарке направиться, скуриваю сигарету. Но от этой дряни только хуже становится. И я как запойный старик стою и пытаюсь откашляться, пока в голове плывет, а руки все еще дрожат.

Если бы Алена была вином, меня бы точно привлекли к ответственности за превышение допустимой нормы алкоголя в крови. Потому что она пьянит так, что никакого вина не надо. Дурит голову, завлекает сладким голосом, идеальным телом и умением быть недотрогой ровно до определенного момента. И стоит этот рубеж перейти, как Алена превращается в истинную распутницу, умеющую любыми частями тела свести мужчину с ума.

И даже мысль о том, что теперь она может делать это с кем-то другим, приводит в лютое бешенство.

– Удавлю, – цежу сквозь зубы, сжимаю руки в кулаки и так иду к машине. Но в голове крутятся мысли об этом иностранце, что назвал меня обезьяной.

Просто необходимо выяснить о нем все и напомнить, что немцам в Россию путь закрыт. Ну или кто он там. Еще днем дал задание своим парням собрать информацию. И пока ждал, так извел себя, что сам не понял, как оказался возле дома Алены.

Сейчас же предстояло вернуться к тому, о чем был мой сегодняшний головняк, хотя конец настойчиво напоминает о голоде, которому я его подвергаю. Но расположившись удобнее и поправив штаны, возвращаюсь к проблеме. И правда, которая была на планшете, просто убивала.

Этот придурок Роберто имел Алену. Не просто имел. Он был первым, кто стал ее полноценным любовником.

И что он хочет? Снова залезть к ней в трусы? На хрен он вообще в Россию приехал?

А самое главное, как попал именно в этот отель.

Путем недолгих размышлений, сделал еще два звонка и выяснил, что приехал некий Роберто к своему новому клиенту, который собирается инвестировать в европейский бизнес. Проще говоря, отмыть свои деньги, сделанные на взятках. И когда узнал имя клиента, долго не мог поверить в такое совпадение.

Мне до сих пор с трудом верилось, что спустя столько лет я смог случайно встретить Алену. Но столько случайностей на одну компанию общих знакомых – это перебор. Отец Нади. У него что-то выяснять себе дороже. Тем более дочь свою он будет отстаивать до конца. Значит, пора напомнить женушке ее место в доме, а также сделать так, чтобы немца депортировали с отказом от любых поездок в Россию.

И именно в этот момент звонит телефон:

– Ты забыл, да?

– О чем? – отвечаю жене, что чуть ли не ревет в трубку.

Странно, но это женское оружие на меня не действует. Мне скорее неприятно слушать женские истерики. Может быть, потому что у Алены за то короткое время, что я, по сути, держал ее шантажом и поджогом документов в сексуальном рабстве, никогда не плакала и не истерила. Даже сейчас ее слезы выглядят естественно, а повод для истерик всегда веский.

Здесь же Надя за три часа до ужина с родителями предупредила меня об этом, а сейчас ноеет, что я забыл. Должен был бросить все свои дела, пусть даже работы они не касались, и отправиться на очередной праздник тщеславия? Мне этого и днем хватает. В моей партии собрались одни змеи, так и жаждущие друг на друга настучать. Так что битва за теплое место в госдуме будет жаркой. Если не смертельной.

– Ты же знаешь, о чем! Мои родители ждали пол часа!

– В следующий раз предупреждай за день, а не за два часа! У меня дела!

– Какие дела?! Стоять под окнами своей дорогой Аленушки?!

– Я сейчас не понял, – даже дернулся, но врать не собираюсь. Врут, когда хотят оградить от правды, а мне насрать. – Ты следишь за мной?

– Заняться мне больше нечем, – говорит она резко и отключается, а я вижу сбоку свет только что включившихся фар, а вскоре габариты отъезжавшей в темноте машины. Значит, следит. Дрянь. Спокойно нажимаю на блокировку экрана и шумно вздыхаю. Кого-то дома ждет скандал.

Глава 14. Надя

Эту квартиру на пятнадцатом этаже Наде с Никитой купили на помолвку. Она состоялась два года назад. Тогда Надя верила, что все можно исправить. Что Никита пойдет по стопам своего отца и будет после свадьбы верным.

Она с огромным энтузиазмом взялась за ремонт этой квартиры. И тогда ей казалось, что и Никите нравится ходить с ней по интерьерным бутикам и выбирать мебель. Ей казалось, что они смогут быть счастливы. И как бы глупо не было, она все еще верила в это. Как верят в слова своего святого отца прихожане церкви.

Может быть, поэтому вместо того, чтобы реветь в спальне, она разложила на столе приборы. Ужин из ресторана. И даже зажгла свечи. Ведь даже мама всегда ее учила: женщина должна быть мудрой, женщина должна хранить дом в мире и не давать повода для сплетен ни о себе, ни о муже, не выносить сор из избы, даже если муж завел себе любовницу.

И Надя впитала в себя эту догму жизни как губка. Приняла за основную модель поведения и очень корила себя, когда поддавалась эмоциям. Последнее время особенно часто.

Для нее было ударом увидеть Вику рядом с Аленой. Она была уверена, что приглашенный через отца Роберто, увидев свою проститутку, захочет забрать ее с собой. И тогда Надя не навредила бы драгоценной Алене, с головы которой не должен упасть ни волос. И устранила мешающую ее браку проблему. Но все пошло не по плану, а план матери насчет беременности тоже никак не может осуществиться. Последний раз Надя видела мужа обнаженным в брачную ночь. Но тогда что-то произошло в его семье, и мать Никиты уехала за границу. Так что он просто не был способен вести себя как мужчина. Напился и курил, смотря в одну точку. А когда Надя в красивом нижнем белье попыталась ртом сделать ему приятно, он лишь кинул на нее взгляд и сказал обидное:

– Не унижай себя бесполезными попытками.

Надя не могла сдаться, она бы себе этого никогда бы не простила. Так что с упорством олимпийского чемпиона продолжала делать попытки его соблазнить. Лучшее нижнее белье, ароматические свечи, феромоны, даже эротические костюмы и парик блондинки. Он словно не замечал ее, и она осознавала, что если не решительные действия, то Никита Самсонов, лелеемый ею столько лет, утечет сквозь пальцы. А возможность стать женой президента, и того больше станет, лишь пылью.

– И что ты будешь делать? – спрашивает мама по телефону, а Надя ногой пытается не грызть и отвечает тихо

– Не знаю я!

– А я тебе давно говорила ребенка от него завести, поженились бы и не поехал бы он в этот Амстердам.

– Откуда я могла знать, что все так сложится?

– В этом и мудрость женщины состоит! Предугадывать, – спокойно говорит мама, пока ей делают массаж. – Главное – успокойся. Сейчас твоя задача напоить его и соблазнить...

– Он не будет заниматься со мной сексом, мам. Сколько можно повторять! Она его как будто околдовала! Дрянь!

– А вам и не надо заниматься сексом. Тебе надо убедить его, что вы занимались сексом.

Надя даже встает со стула. Такого исхода она не могла и предвидеть, но в словах матери было зерно. Если она забеременеет, Никите никуда и никогда от нее не деться. А если он попытается с ней развестись, ему никогда больше не видеть кресла в государственной думе. Остается понять, как напоить Никиту так, чтобы он забыл сам себя.

Тем более, что нужно спешить. А он уже вставляет ключ в замок двери.

Надя бежит к своей косметичке в ванной и вываливает почти все таблетки снотворного себе в ладонь, затем возвращается через комнату на кухню и делает из них толчонку, одновременно улыбаясь Никите.

– Как прошел твой день?

– Мне кажется, ты лучше меня знаешь, – устало произносит Никита и идет в комнату, чтобы раздеться.

В душе он долго пытается остудиться, не думать об Алене и о гневе на Надю. Задушить собственную жену. Такое ему вряд ли простят. Так что он, попытавшись успокоиться, выходит из душа и идет на кухню, где, как всегда, идеальная и спокойная Надя протягивает ему бокал вина. Истерит она периодически и только по телефону. Иногда пускает скупые слезы. Но Никита всегда видит ее почти отрешенной от мирских проблем. Он всегда задавался вопросом, сколько сил ей нужно, чтобы держать лицо, учитывая все происходящее.

Бокал Никита берет, даже садится за стол, чтобы в очередной раз пожрать ресторанной еды, но разговаривать вежливо он не собирается.

– И чего же ты пыталась добиться, когда нашла ее покупателя, – о том, сколько денег она угрожала на расследование, ему думать не хотелось. Как и не хотелось думать о ватном бифштексе, который пытается жевать.

– Хотела сделать всем хорошо, – улыбается она и отпивает из своего бокала. – Ты же не настолько наивен, чтобы верить, что после всего я дам тебе развод? За нее ты, конечно, беспокоишься, а теперь она будет в надежных руках.

– В надежных? – смеется он и уже в голове представляет последствия столь скорого развода. Он был уверен, что поступает правильно, когда давал свободу Алене, и хотел ей дать время смириться, но, похоже, он слишком эгоистичная скотина. Ей придется стать женой политика, а ему придется потратить много времени, чтобы уничтожить любые доказательства порочного прошлого Алены.

– Он искал ее. Она ему нужна...

– Считаешь, что, сплавив ее извращенцу, сделаешь доброе дело!? – повышает голос Никита, уже не считая нужным сдерживаться. Затем допивает остатки вина. – И что за дерьмо ты купила? Где виски?

– А ты не извращенец?

– Следи за языком! – открывает Никита бар. Ему даже смотреть на Надю неприятно.

– Или тебе нравится заниматься сексом больше в туалетах, чем в нормальной постели. С проституткой, а не с женой!

– Ты прекрасно знала, на что шла! Знала, что я ничего кроме уважения к тебе не испытываю!

– Уважение?! Идти и говорить, что я пользуюсь твоим именем, ты считаешь уважением? Иметь другую, прекрасно зная, что за тобой следит вся страна, это уважение?

– Не уважал бы я тебя, отменил бы свадьбу, – хмыкает Никита и берет бутылку виски.

Надя в немом шоке смотрит на то, как он в очередной раз уходит от разговора.

– Снова уйдешь? Серьезно?

– А что ты хочешь от меня услышать? Что завтра я пойду подавать на развод?

– Ты не посмеешь! Я не позволю! – срывается Надя и разбивает стакан с вином.

– Не волнуйся, ты будешь жертвой. Всю вину я возьму на себя, – спокойно произносит Никита и, отсалютовав бутылкой виски, уходит в одну из спален большой квартиры, а Надя остается смотреть ему вслед и, как только закрываются двери, набирает номер.

– Рустам. Мне нужно, чтобы ты сделал мне ребенка. Сегодня.

Глава 15. Мелисса

Юра не изменится. Любое оскорбление в его сторону вызывает агрессивный отклик. И то, что это обиженная жена, его мало интересует.

Таких, как она, называют жертвами. И своего насильника они найдут всегда.

Вот и Мелисса нашла, когда после смерти родителей попала в детский дом.

Юра уже тогда был отморозком почище многих и без спросу взял честь, а затем отобрал возможность быть счастливой. Заразил настолько, что даже после расставания на восемь лет он был в её мыслях ежедневно.

Дело усугубил Никита, рожденный и тут же отобранный у девочки Лиссы, которую взяла на воспитание тетя. Долгие годы она боролась с гнётом тетки, пыталась вернуться из Англии в Россию, чтобы быть рядом с усыновленным чужими людьми сыном. Но удалось ей это только после того, как она развелась с мужем.

Но стоило только вернуться, как жестокая судьба столкнула её с Юрой. Последнее, что она собиралась ему сообщить, это про наличие ребёнка. Метивший в депутаты, он бы использовал его, и Мелисса пыталась сбежать. Но в какой-то момент её выкрали, чтобы доставить к злобной тётке в Англию, потому что Мелисса дочь очень богатых людей. И ее неполноценность, которую мисс Джулия доказывала, пихая ее в клинику для умалишенных, давала возможность жить на широкую ногу.

Сразу после принудительной свадьбы с Юрой Самсоновым, Меллиссу стащили с вечеринки и тайком отправили в Англию. В фуре, битком набитой свиньями и спрятанными сиротами.

И в одном из них Мелисса тогда узнала Никиту. Когда Юра нашел её и обезвредил тетку, она решилась ему все рассказать, чтобы он спас и Никиту. А вот девочку Алену, что ехала в той же фуре, искать уже никто не стал.

Мелисса была слишком рада Никите. А Юра был слишком рад, что его рыжая одержимость теперь с ним и сможет помочь достигнуть цели.

Только вот рыжая Мелисса до сих пор не могла поверить, что это были за цели.

Что все его речи о новом мире без детского рабства и насилия были лишь ширмой, а он сам стал в этом главным. А теперь и вовсе делает больно, продолжая требовать ответа, сжимая пальцами шею.

– Молчишь? А давай я за тебя отвечу, – цедит Юра сквозь зубы.

Мелисса рукой тянется к карману, выхватывает свой телефон и бьет Юру по виску. С шипением отвечая на вопрос.

– Я была женой! Женой человека, который врал, обманывал друзей, использовал сына, стал дьяволом! – наклоняется она над Юрой, который упал и теперь стирает кровь с виска. Другого бы этот удар мог убить, но Юра – это Юра. Поэтому он стирает кровь рукавом рубашки и поднимает взгляд.

– Жена бы выслушала, жена бы задавала вопросы. А нас, похоже, действительно связывала только похоть, раз ты могла подумать, что я превратился в такого ублюдка, каким был Андронов.

Именно с ним Юра вёл борьбу в те годы, именно его помог убить много лет назад, прикрыл его сына и приемную дочь, которая и выпустила пулю. Дружил с ними много лет. И Мелисса до сих пор задавалась вопросом, почему эта дружба прекратилась.

И вот после правды, которая всплыла на свадьбе Никиты, она была уверена, что пазлы сошлись. Что Юра ублюдок и главарь банды, которая перевозит детей в Европу и продает.

Но слова мужа, ещё пока не бывшего, пошатнули её уверенность.

Андронов был садистом, насильником, педофилом, убийцей, он держал своего родного сына в детском доме ради «обучения». И поверить в то, что человек, с которым она прожила в браке, пусть неидеальном, хоть немного похож на того ублюдка, просто не могла.

– Так объясни мне, – просит Мелисса, невольно кусая нижнюю губы, на что Юра качает головой и поднимается во весь свой рост, нависая над супругой. Подавляет своей мощной энергетикой, ускоряя сердцебиение до уровня тахикардии.

– Я уже три месяца поговорить с тобой пытаюсь. А ты закрылась в этом огромном доме, прячешь от меня моих детей, настраиваешь Никиту против меня! Думаешь, я скажу тебе за это «спасибо»? Хочешь знать правду, дорогая, умоляй...

– Черта с два...

– Значит, думай, что хочешь. Теперь мне плевать, – бросает он прожигающий взгляд и идёт по лестнице вверх, а Мелисса стоит и задыхается, не зная, что и думать.

И самое главное, как поступать дальше.

Глава 16. Диана

Примерно в такой же ситуации находилась Диана, подруга Нади, которая застала её за сексом с тренером Рустамом.

Она подавлена и не может и шаг назад сделать, продолжая смотреть через незакрытую дверь массажного кабинета. Она искала подругу в уже закрывшемся фитнес клубе и была в ужасе от того, где нашла.

Надя для неё всегда была идеалом, человеком, на которого она ровняется. Все свои, не слишком идеальные, а порой мерзкие поступки Надя объясняла безответной любовью к Никите. Диана очень хорошо её понимала, ведь она находилась в похожей ситуации. И знала, что пока любит Артура – своего парня, никогда ни на кого не посмотрит. И тем более не позволит иметь себя, словно животное.

И была уверена, что Надя с ней солидарна. Так почему же она с таким жаром отдаётся потному, не помывшемуся после тренировки тренеру, который не удосужился даже раздеть любовницу. Он просто стянул тугие брюки и приспустил свои. Пока Надя, совершенная Надя, вся растрепанная, цеплялась за шею Рустама и хрипела:

– Еще!

– Зачем тебе это? Ты же любишь Никиту, – отчаянно вопрошает Диана Надю, пока они сидят на следующий день в ресторане. Она не спала почти всю ночь, пытаясь понять мотивы человека, который был рядом столько лет. Человека, ставшего примером.

– Именно потому что я люблю Никиту. Эта Алена угробит его. Он потеряет шанс стать успешным политиком. Возненавидит за это себя. Ее. Сопьется, затем обязательно будет насилие и тюрьма. Считай, что этот ребенок спасет его.

– Боже, – в немом шоке выдыхает Диана, поражаясь гениальности подруги. – Ты только что собственное лицемерие и честолюбие возвела в ранг добродетели.

– Спасибо, – хмыкает Надя.

– Это не комплимент. Ты возненавидишь этого ребенка, так же как мать ненавидела тебя.

– Меня моя жизнь устраивает.

– Точно, именно поэтому ты стала одной из любовниц Рустама. Именно потому что счастлива. Ты в курсе, что он за это деньги берет?

– Диана, давай со своей жизнью, вагиной и тем более маткой я разберусь сама.

– Боюсь представить, во что это выльется. Или ты думаешь, Самсонов будет боготворить тебя за ублюдка?

– Мужчины глупы. Он даже не поймет ничего.

Диана качает головой и встает из-за стола, так и не доев свой салат. Рядом с Надей, уверенной, что совершенная ею мерзость правильна, ей становится дурно.

– Куда ты? Если ты кому-то... Тебе все равно никто не поверит.

– Не суди всех по себе. Мне не нравится то, что ты придумала. Но это не отменяет нашей дружбы. Просто мне надо подумать...

Надя скептически поднимает бровь. Диана на это бессловесное оскорбление молчит и просто уходит.

Да, она никогда не хватала с неба звезд. А единственным достижением считает отношения с Артуром. Ради него она готова на все. Даже терпеть его измены, просто потому что ему нужно секса гораздо больше, чем ей. И ведь самое главное в любви это полное самоотречение, терпение, умение подставить правую щеку. И почему же Диана была так убеждена, что именно Надя ее понимает. А вот Вика заиклена на том, что женщина должна себя уважать. Но тогда почему после расставания с Камилем, два года назад, у нее так и никого не появилось.

Она достойно несет своей крест красивой, самодостаточной женщины. Но разве сделало это ее счастливой? Разве может быть женщина счастлива в одиночестве.

И черт дернул Диану после долгой прогулки по городу набрести именно на дом Вики. И не пройти мимо, а набрать номер и услышать удивленный голос.

– Конечно, заходи.

Сначала разговор и не мог склеиться. Они так давно не разговаривали наедине, что забыли, когда это было последний раз.

– На мое день рождение, – вспоминает Диана, осматривая богатую квартиру Вики. Она сама никогда в роскоши не жила. Вся ее заслуга в инвалидности, благодаря которой она училась в лучшей школе, в лучшем вузе, имеет стипендию, а теперь возможность стать кардиологом. Мама гордится ею, а папа слишком занят, чтобы обращать на больную дочку внимание.

– Точно. Надя укатила с матерью в Италию, а Артур с парнями были на сборах.

– Мы даже неплохо провели время.

– Как дуры ревели над очередной серией Доктора Хауса, – откидывается Вика на спинку дивана и внимательно разглядывает Диану. И та знает, о чем думает подруга. О прыщах, сухих темных волосах, лишнем весе, который не может свести ни один тренер Нади, ни один ее косметолог. – А потом приехала Надя, и я снова оказалась тебе не нужна, потому что не пошла по твоему пути саморазрушения.

– Любовь – это не...

– Я утверждала и буду утверждать, что Артур гробит тебя.

– Я люблю его...

– Алена любит Никиту. Но так, что не ложится под него по первому его желанию, а хочет быть единственной. Правда теперь не выйдет.

– Не выйдет? – Диана выпрямляет спину и даже отставляет бокал с газировкой. Неужели Надя рассказала о своем плане Вике? – Из-за...

– Эта дурында упустила единственный шанс быть с Никитой, потому что отказывается делать аборт...

– Я ничего не понимаю... Алена беременна?

– Ага, от бывшего клиента.

– А ты не боишься мне рассказывать? Ну, то есть, Надя может подумать... И может совершить...

– Она может успокоиться и спрятать свою метлу. Для Алены этот дурацкий ребенок теперь дороже, чем отношения с любимым человеком, а все потому что... – передразнивает Вика Алену. – Он единственный, кто будет меня любить без условий.

– Но ведь это правда.

– До пяти лет. А потом у ребенка появляются мозги и возможность в любой фигуре обвинить именно родителя. Дети должны рождаться в полных, счастливых семьях. Иначе получаются такие вот как мы с тобой.

– Какие?

– Уроды, которые не могут найти себя в жизни и мечутся, либо довольствуясь унижениями, либо унижая других.

Голова Дианы отчаянно болит. Сначала от разговора с Надей, потом от жесткой философии Вики. Потом от собственных мыслей. День добывает Артур, который, придя в стельку пьяным, сразу тащит Диану в постель и два часа не выпускает, лишая последних сил. Но при этом дарит счастье и возможность не только быть с любимым эти редкие минуты, но и оргазм, который прочищает голову.

Пусть Алена будет счастливой с этим ребенком от клиента. Значит, и Наде не надо спать с Рустамом. О чем Диана и говорит ей на следующее утро, когда звонит из клиники, в которой проходит интернатуру.

– Тебе нечего опасаться...

– Это еще почему?

– Никита политик. И даже если он разведется, жениться на Алене у него не получится.

И даже если он уйдет из политики, вместе они не будут.

– И ты это знаешь, потому что...

– Потому что Алена беременна. Не от Никиты.

Глава 17. Никита

– То есть, стоило мне заговорить о разводе, ты решила меня изнасиловать, чтобы зачать? – мне ничего другого в голову не приходит. Иначе как объяснить, что женушка с утра решила сделать приятно.

– Если для того, чтобы заняться сексом, тебе нужно выпить еще, виски рядом с кроватью.

– Вместо кофе, виски? – усмехаюсь, но любое движение мышц лица вызывает такую адскую боль, что становится тошно. Как, впрочем, и от вранья Нади.

Я ожидал этого, собственно, поэтому решил спать отдельно. И песни имиджмейкеров о ребенке, который поможет в выборах, этому поспособствовали.

– Думай, что хочешь, но сегодня ты впервые подарил мне возможность испытать удовлетворение...

– Серьезно? – смеюсь я, – тогда считай, в меня вселился кто-то другой, потому я с тобой сексом не занимался.

– Ты просто не помнишь...

– Ты просто зачем-то держишь меня за дурака. А потом внезапно возникнет беременность, которая не позволит мне с тобой развестись. Только вот я, может, и идиот, но не debil. И вместе с тобой пойду к гинекологу. А потом еще к десяти, – говорю довольно грубо и, преодолевая головную боль и тошноту, плетусь в ванную.

Там начинаю обдумывать, как поскорее избавиться от Нади, не нарушая при этом закон. И об этом я решил аккуратно спросить акул политической арены, а именно братьев Демидовых, которые и занимаются продвижением моей карьеры.

– Забудьте, Никита. Сейчас развод даст шансы вашим оппонентам. И откинет нас на несколько лет назад.

Разговор происходил перед очередной речью на открытии очередного благотворительного учреждения. У меня уже размылись названия и даже текст, который я читаю с трибун как обезьянка.

– И пить вам сегодня больше не стоит, – отбирает старший Демидов, высокий и худой, стакан с виски, пока я пытаюсь понять, что за акцию сегодня пыталась устроить Надя. И если задуманное получится, меня действительно откинет на несколько лет назад. От Алены, которая вряд ли согласится со мной жить, если Надя забеременеет.

– Никита, вы слушаете меня?

– Надя пытается сделать из меня осеменителя своей вагины.

Братья переглядываются, и тот, что пониже, прыскает со смеху.

– Без вашего участия?

– Я и раньше читал разные способы, которыми бабы мужиков в свои сети заманивают. Сбор семенной жидкости один из них.

– Мы давно вам говорили...

– Да не будет Надя моей женой! – вскакиваю. – Это временная мера. Так что надо избежать ее беременности. А сделать так, чтобы быстрее залетела Алена.

– Та спасенная девушка? Бывшая...

– Сейчас очень хорошо подумай, прежде чем что-то скажешь, – стреляю взглядом в старшего из братьев, и тот глотает последнее слово. – Выборы в апреле. Времени вагон. Вам нужно сделать так, чтобы народ, принимавший Надю, точно так же принял Алену.

– Это почти невозможно. Женщины будут считать ее разлучницей... Даже с ребенком почти не будет шансов вернуть расположение избирателей.

– Кто-то мне заливал, что для вас нет ничего невозможного? – поднимаю брови, и на ум приходит мерзость почище отцовской. Слова Нади заставили задуматься. – И проверьте Надю...

– На предмет?

– На предмет измены. Если у нее появился мужик, то я точно должен об этом знать.

– Надежда слишком умна, чтобы так рисковать своим положением.

– Вот и проверим, – пожимаю плечами, а про себя думаю: «А если не захочет по-хорошему, то эту самую измену можно организовать». В конце концов, компромиссы – это не про Самсоновых.

И именно эту политику я толкаю, когда выхожу на трибуны. Не обещаю, апеллирую цифрами, статистикой и спрашиваю у народа, хотели бы они ее сделать более привлекательной. Я не обещаю. Но всегда говорю, что можно попробовать изменить устоявшуюся систему вместе. Всегда давлю на больные точки и утверждаю, что дети – главная цель существования людей. Поэтому довольно активно пропагандирую увеличение пособий для молодых семей, уменьшение процента по ипотекам, раздачу квартир матерям одиночкам. Самое главное, привлекаю внимание к защите прав подростков и введению сексуального воспитания в школах, а значит уменьшению подростковых беременностей. Тем самым уменьшение количества сирот.

Я люблю говорить на публику, верю, что возможно изменить, пусть не все, но многие аспекты нынешней политики. И пусть я высказывал не все свои альтруистические идеи, прекрасно понимая, что тем, кто стоит надо мной, это может не понравиться. Но внутри себя планировал со временем внедрить свои идеи и сделать их общими. Я старался не вкаты раньше времени, чтобы никто не подумал, что я рвусь к власти не ради денег, как многие другие. И в этом во многом мне помогал Артур, который часто говорил: «Не высовывайся, играй в обезьянку, чтобы не турнули».

Вот и через пару дней, пока я искал слова, как сказать Наде про развод, Артур внес свою лепту. После того, как мы обсудили последние спортивные новости, Артур резко переводит тему, тем самым давая понять, что все мы думали только об одном.

– Это даже хорошо, – говорит он, рассматривая зал уютного ресторанчика. Он не любил шумные заведения. Он не любил толпу. Но знал, как вести себя в любом окружении. Наверное, поэтому, несмотря на все гадости, совершенные в прошлом, мы все еще были с ним. Он всегда вносил в нашу развеселую компанию трезвый взгляд на реальность. Объяснял последствия тех или иных поступков.

Ему не хотелось быть политиком, а вот управлять исподтишка, практически вводить в транс и гипнотизировать он умел на сто процентов. Ему очень нравилось манипулировать. Наверное, поэтому многие девушки его инстинктивно боялись. Зато его девушка Диана всегда была под рукой, словно имея иммунитет перед хищником.

– Я был уверен, что ты против развода с Надей, – с удивлением замечает Камиль.

– Лучше взять на себя образ такого бабника, который не может разобраться с личной жизнью, чем образ Галилея, которого по итогу все равно сожгут. Кто эта новая официантка? – переводит он тему, и мы с Камилем смотрим в ту же сторону.

– Тебя дома ждет Диана, – напоминает Камиль, на что Артур допивает свой стакан, поднимается и усмехается.

– Не вам двоим читать мне лекции о верности. И Никита. Если ты решил порвать с Надей, то делать это надо прямо сейчас, пока она реально не залетела. От тебя... Или не от тебя.

Я смотрю, как Артур идет клеить новую барышню, а сам размышляю, как не нарваться на очередной скандал. И крайне удивлен, когда вместо истерики Надя лишь смеется.

– Не понимаю, зачем тебе развод.

– Это глупый вопрос. Ты не счастлива со мной. Я не сказать, чтобы сильно доволен этими отношениями.

– А воспитанием чужого ублюдка ты будешь доволен? – посмеивается она и даже отодвигает тарелку, пока я высматриваю в ее лице признаки шизофрении.

– О чем речь?

– О твоей дорогой Алене, которая залетела от одного из своих клиентов, – застываю, теряя способность не только говорить, но и разумно мыслить. В голове как будто начинают складываться куски мозаики, так угодливо подкинута судьбой. «Ты, наверное, переела». Насчет груди можно было догадаться. А про то, что Алена отказывается лечь с ним.... «Твою же мать!».

– Вот будет весело, если она родит маленького африканца. Как думаешь, много это тебе голосов на выборах принесет? В Африке бы точно, а вот в России...

– Заткнись! – вскакиваю, хватаю телефон, ключи и вылетаю из дома, чтобы выяснить, что происходит в моей жизни на самом деле.

Глава 18. Алена

*** За три дня до диалога Нади и Никиты ***

За три дня до разговора Никиты и Нади....

После ухода Никиты я долго брожу по квартире, пытаюсь разобраться в себе и во всей ситуации. Он всю жизнь шел к успеху и вряд ли станет рисковать своей карьерой ради бывшей проститутки. И даже узнай он, что я жду от него ребенка, вряд ли резко изменит свои планы на жизнь. Не говоря уже о том, что учудит ревнивая Надя, узнай, что у Никиты ребенок на стороне.

Может быть, поэтому, выпив горячего шоколада и забравшись в постель, я принимаю решение держаться от Никиты как можно дальше. И не поддаваться

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.